

# ПЕЩЕРНЫЕ ГОРОДА

## К Р Ы М А

Путевыя впечатлѣнія.

II \*).

Черкесь-Кермана.—Эклисе.—Пещеры Эски-Кермана, города «трогло-  
— Кунацкая татарской княгини.—Бахчисарайская кофейня.—Хапская  
— Похищеніе певсты.—Марианполь.—Чуфуть-Кале, древній Кыркорь.—  
Отшельникъ Чуфуть-Кале.

Спускаюсь отъ Коджа-Сала и Мангуна къ сѣверу по узкой  
Кара-Илеза, которой сады кишатъ словно въ естествен-  
грунтовомъ сараѣ, между двумя сплошными стѣнами от-  
скаль, — путешественникъ проѣзжаетъ одну изъ плодо-  
и населеннѣйшихъ мѣстностей Крыма. Три много-  
деревни, три Каралеза — Юкары-Каралезъ, Орта-Каралезъ  
Логага-Каралезъ — тянутся одинъ за другимъ на цѣлыя версты,  
увидѣвши въ старыхъ густыхъ садахъ, и на каждомъ шагѣ  
ставляя взору путешественника картины столько же наивной,  
какъ живописной жизни Востока.  
Чтобы попасть въ Черкесь-Керманъ нужно своротить изъ  
направо, почти назадъ, въ направленіи къ Севасто-

полю. Послѣ роскошной свѣжести каралезской долины пустынная каменистая дорога кажется скудною.

Черкесь - Керманъ показывается поздно, когда вы почти вѣхали въ него. Узкая гора, гораздо меньшаго размѣра, чѣмъ мангупская, мысомъ выдѣляется отъ соседнихъ горъ и образуетъ узенькую тѣснину, совсѣмъ почти спрятанную въ пазухѣ каменныхъ твердынь. Въ этой пазухѣ расположена деревня Черкесь-Керманъ. Известковые толщи здѣсь приняли оригинальную форму закругленныхъ столбовъ и желваковъ, словно ихъ обточила рука человѣка. Множество пещеръ, выгладанныхъ снизу водою, дали жителямъ поводъ воспользоваться скалами какъ домашними постройками. Задній планъ почти всякаго двора — скала, и почти въ каждой скалѣ пещера. Въ одной конюшня или хлѣвъ, въ другой анбаръ, кузня, погребъ. Къ нѣкоторымъ придѣланы ворота, дверочки, плетни, лѣсенки. Въ началѣ деревни эконома какого-то мурзы; это — огромный глубокий сарай въ пѣдрахъ скалъ, недоступный дождю, несмотря на отсутствіе воротъ, сарай доисторической первобытности, помѣщавшій между прочимъ, въ числѣ экипажей, хорошенькую модную карету на лежачихъ рессорахъ.

Въ Черкесь-Керманѣ множество драгоцѣннаго матеріала для художника-туриста. Дорожка идетъ нѣсколько выше построекъ, такъ что внутренность дворовъ видна почти à la d'oiseau, и фигуры татарокъ и татарчатъ, окаменѣвшія на картинахъ позаяхъ на своихъ плоскихъ кровляхъ при вѣтрѣ нашей кавалькады — сообщаютъ пейзажу характерную полноту.

Съ высоты нашихъ сѣделъ мы присутствуемъ при крымскомъ урокѣ въ деревенскомъ *мехтабѣ*: на тѣнистой галереи второго этажа, подъ старыми орѣхами, нестрая толпа татарокъ и татарочекъ, лежа и сидя прямо на полу, расцѣвываютъ речиваясь стихи Альборапа, по арабскимъ книжкамъ, которыми смыслъ певѣдомъ имъ также рѣшительно, какъ и учителями ихъ, пошлой татаркѣ, предсѣдавшей въ этой буколической школѣ.

Оторвавъ взоръ отъ этой живописной тѣснины, до края паполненной жилищами человѣка, вы замѣчаете слѣва на вѣсной горѣ, замыкающей тѣснину, — высокую старую башню. Это древній Черкесь-Керманъ. Въ Черкесь-Керманѣ остаются слѣды значительнаго укрѣпленія. Башня, въ которой протѣкаетъ двойныя ворота, стоитъ надъ трещиною скалы, которой узенькій высокий мысъ она отрѣзала въ неприступную цитадель, называемую замку Тешкли-Буруша. Постройка ея совершенно того же характера, какъ мангупскихъ, инкерманскихъ и др. башенъ. У татаръ

известна подъ именемъ *Къезз-Кулле, Дьвишней башни*. Но всего замѣчательнѣе въ Черкесь-Керманѣ его пещерный храмъ, или, такъ называютъ его татары, *эклисе* (исковерканное греческое слово, означающее церковь). Эклисе спрятано въ лѣсистыхъ скалахъ такъ хорошо, что даже побывавъ въ немъ, не сразу найдешь его опять. Видно, что во время основанія его христіанамъ еще не смѣлъ возвышать къ небу золотыхъ крестовъ своего храма, и крымское христіанство того времени еще не прожило своего періода катакомбъ. Только съ помощью татаръ можно вскарабкаться черезъ колючую чащу, по известковымъ обрывамъ скалы, на гребень ея, съ котораго открывается ходъ въ эклисе. Громадный округленный камень, когда-то отдѣлившійся отъ всей скалы и заслоненный отъ враждебныхъ взоровъ этою самою скалою, выдолбленъ внутри въ христіанскую моделью. Съ голаго гребня скалы, по заднему обрыву ея, были шурблены когда-то ступени, переходившія на церковный утесъ въ точкѣ прикосновенія его къ скалѣ; теперь эти ступени слезаны временемъ и безъ головокруженія нельзя спускаться по нимъ; открытая пропасть зилетъ прямо подъ ногами, и спускъ въ нее гораздо легче, чѣмъ переходъ на утесъ.

Низенькая дверочка эклисе заросла кустарникомъ и бурьяномъ. Храмикъ выдолбленъ правильнымъ круглымъ сводомъ и сохранился отлично, безъ сомнѣнья, по причинѣ своей недоступности. Остатки штукатурки и византийскихъ фресокъ на ней очень замѣтны; можно еще разобрать нѣкоторые греческія надписи подъ образами и даже характерный ликъ Николая чудотворца. Рядомъ съ дверью маленькое окошечко, черезъ которое на бѣлыя известковыя стѣны падаетъ веселый солнечный свѣтъ. Алтарь въ особомъ отдѣленіи, на возвышеніи. Каменный престолъ съ изображеніемъ креста и круглымъ углубленіемъ; въ лѣвомъ углу крошечный альковъ для трапезы, по стѣнамъ алтара низенькія каменные сидѣнья. Трава пробилась сквозь трещины маленькаго пола, сквозь престолъ и сѣдалища, а птицы съ летучія мыши въ теченіи долгихъ лѣтъ оставляли свои слѣды въ этой древней святынѣ, доступной теперь только ласточкамъ.

До Эски-Кермана намъ оставалось всего версты двѣ, по дороге трудная. Онъ стоитъ совершенно отдѣльною столовою горою, какъ и Мангупъ, только значительно ниже его. Въ Крыму нѣтъ пещернаго города, болѣе характернаго. Кромѣ пещеръ — ничего, ни малѣйшаго слѣда разваливъ. Но за то пещеры считать трудно. Какъ взглянешь снизу на отвѣсный обрывъ — чистое острое гнѣздо! Ряды ячеекъ, прилѣпленныхъ одна

къ другой, раздѣленныхъ перегородками иногда чуть не бумагой толщины.

Конечно, пещеры не были прежде такъ открыты снаружи, только кое-гдѣ виднѣлись маленькія окошечки, какъ это можно замѣтить еще на нѣкоторыхъ пещерахъ; но время крушить одни бревенчатые и кирпичныя жилища человѣка. Опъ спрталъ свои гнѣзда въ толщи скалъ — оно раскололо пополамъ его скалы и искрошило ихъ въ щебень. Теперь почти во всѣхъ пещерныхъ городахъ мы любуемся снаружи на внутренность пещеръ; на отвѣсныхъ обрывахъ зяютъ ихъ продольные разрѣзы, какъ вскрытыя домовища устриць; это очень удобно для архитектурныхъ чертежей, но уже невозможно для жизни. Мы съ любопытствомъ осматривали въ глубинѣ долины огромные камни и цѣлые утесы, оторванные отъ Эски-керманской горы. По положенію камней и по чертежу ихъ отверстій легко можно замѣтить, что это оторванные половины тѣхъ пещеръ, которыхъ зѣвы чернѣютъ теперь наверху, какъ разъ надъ этими камнями. Вонъ торчатъ надъ обрывомъ верхнія ступеньки каменной лѣсенки, которой нижній сходъ опрокинуть съ утесомъ въ долину, хоть склеивай сейчасъ. Мы нашли въ долинѣ большіе камни съ цѣлыми пещерами внутри; окошечко, дверка — все цѣло. Нашли даже громадный камень съ нетропутою часовнею внутри; очень можетъ быть, что она была выдолблена уже впоследствии, въ обрушившемся утесѣ; въ нее легко было войти; иконопись стѣнъ и греческія надписи были еще довольно ярки и свѣжи, хотя сильно стерты.

Поднялись на верхъ съ трудомъ. Глубокая дорожка, въ родѣ траншеи, врѣзана между стѣнами камней; это настоящій крѣпостной входъ. Первая пещера наверху, направо отъ дороги, замѣчательна сложностью и величиною. Въ ней, несмотря на разрушеніе, хорошо замѣтны вырубленные своды, столбы, проходившіе изъ одного отдѣленія въ другое; отдѣленій этихъ было четыре или пять; нѣкоторыя изъ нихъ положеніемъ и формою напоминаютъ алтари. Въ сводахъ множество окаменѣлыхъ устриць очень большого размѣра и наплывы сталактитной массы неправильныхъ формъ; кое-гдѣ замѣтны заржавѣвшіе слѣды когда-то бывшихъ желѣзныхъ скрѣпъ. Въ помѣщеніяхъ алтарей съ трудомъ можно замѣтить неясныя остатки фресокъ.

Первыя отдѣленія отъ входа совсѣмъ почти завалены; въ лѣвомъ углу, сейчасъ же у наружнаго отверстія стоитъ каменный гробъ простой формы, прикрытый каменною же плиткою безъ всякихъ насѣчекъ и надписей. Другой такой же гробъ раскрытъ и опустошенъ; въ кучѣ обломковъ замѣтны куски

гробовъ, совсѣмъ разбитыхъ. Старикъ Сеидъ-Мазинъ изъ Бахчисарая, провожавшій насъ въ Эски-Керманъ, — увѣрялъ меня, что опъ былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ проводникомъ графа Уварова, по распоряженію котораго будто былъ раскрытъ одинъ гробъ и въ немъ будто бы найденъ скелетъ человѣка съ золотыми кольцами. Безъ сомнѣнія, Сеидъ говорилъ о графѣ Уваровѣ, авторѣ археологическаго сочиненія о крымскихъ древностяхъ. Старикъ добавилъ, что въ то время *эклисе* была почти совсѣмъ цѣла, и на стѣнахъ видны были писанныя красками фигуры людей. Татары вѣрятъ, что эта большая пещера была греческою церковью, а нѣкоторые путешественники считаютъ ее остатками монастыря.

Мы долго бродили по краямъ Эски-Керманской горы, спускались во всѣ пещеры, въ которыя можно было спуститься. Не всегда можно довѣряться полурастреснутымъ лѣсенкамъ, что ведутъ изъ верхняго яруса пещеръ въ нижній. Въ иныхъ мѣстахъ видишь три-четыре яруса. Нѣкоторыя пещеры очень помѣстительны, имѣютъ каменные ясли, столбы съ каменными ушками для привязи, цистерны, какъ въ Мангупѣ; это, конечно, конюшни, овчарни. Въ другихъ, меньшихъ, замѣтны каменные ложа, альковы для шкапчиковъ, вырубленные полочки, правильно вытесанныя притолки для дверей; въ нѣкоторыхъ видны дымовыя отверстія и слѣды очаговъ, и во всѣхъ рѣшительно множество выдолбовъ для укрѣпленія брусевъ, на которыхъ, можетъ быть, устраивались койки, столы, загородки, вѣшалки и пр. Интересныхъ остатковъ внутри этихъ пещеръ рѣшительно не видать. Слой овечьяго и конскаго навоза покрываетъ почву, а выбоинки наполнены мелкимъ мусоромъ, въ которомъ попадаются во множествѣ черепочки глиняной хорошо выжженной посуды и кости обыкновенныхъ домашнихъ животныхъ. Надо предполагать, что прежній полъ пещеръ уже затянутъ слоємъ извести; во всякомъ случаѣ изслѣдователямъ древностей каменнаго періода нелишне было бы покопаться въ этихъ подземныхъ норахъ.

Конечно, особенно плодотворны должны бы оказаться раскопки естественныхъ сталактитовыхъ пещеръ Крыма, напр., пещеръ Чатырь-Дага, гдѣ знаменитая «пещера тысячи головъ», *Гимбашъ-Коба*, сохраняетъ въ себѣ даже на поверхности почвы массу неизслѣдованныхъ скелетовъ. Но и пещеры троглодитовъ, подобныя эски-керманскимъ, не должны быть упущены изъ виду археологами. Меня поражаетъ то обстоятельство, что каждая столовая гора пещерныхъ городовъ Крыма — непременно соединена съ преданіемъ о морѣ, окружавшемъ когда-то гору-

Ай-тодорская долина у южнаго подножія Мангуна до сихъ поръ называется у грековъ *пеллагосъ* (море), а татары извратили это имя въ *филелусъ*. Эски-Керманъ называется также у татаръ — *денисъ* (море). Фирковичъ рассказывалъ мнѣ, со словъ своихъ караимскихъ предковъ, что въ глубокой древности Чуфутъ-Кале былъ островомъ, а долина, по которой пролегаетъ дорога въ Мангунъ, была покрыта моремъ. Любопытно, что и Плиній въ своей Естественной исторіи говорить, будто горный Крымъ былъ прежде островомъ.

Если люди жили въ эпоху этихъ горныхъ озеръ, то пещеры по ихъ сосѣдству получаютъ еще большій смыслъ.

Оригинальность Эски-Кермана и самое замѣчательное сооруженіе его—это круглый колодезь въ нѣдрахъ скалы. Въ колодезь этотъ опустится цѣлая большая башня. Спускаться въ него можно только на веревкахъ, и то человѣку привычному. Множество ступенекъ высѣчено почти въ отвѣсной продушинѣ, и изъ нихъ только пемпогія уцѣлѣли, такъ что вамъ большею частью приходится висѣть на веревкѣ, привязанной сверху къ камнямъ. При этомъ условіи не совѣмъ встаетъ открываются передъ вашими глазами то выше, то ниже, провалы наружной стѣны, сквозь которые вы волею-неволею измѣряете глубину бездны подъ погами. Вѣтеръ съ силою врывается въ эти проломы, образовавшіеся отъ разрушенія оконныхъ отверстій, и вамъ въ той черной дырѣ, въ которой вы висите, дѣлается жутко отъ этого внезапно поражающаго васъ свѣта и движенія. Внизу колодца большая грязь; подземный ключъ журчитъ подъ сводомъ низкой черной пещеры и скатывается изъ подземнаго бассейна въ наружную трещину скалы, загороженную утесами, заросшую кустарникомъ и травами. Картина этого потайнаго ключа очень романтична: черная скалистая дыра, изъ-подъ которой опъ выливается, и сквозной гротъ, увитый ползучими растеніями—составляютъ преживописный контрастъ. Не такъ, конечно, смотрѣли на него тѣ несчастные водопосцы желѣзнаго вѣка, которые принуждены были совершать это подземное странствованіе за каждымъ кубшиномъ воды.

Объ эски-керманскихъ пещерахъ писали мало. Подробнѣе другихъ описаніе г. Козепа. Опъ считаетъ пещеры Джингисъ-Кермана за жилище троглодитовъ. Приведу изъ его письма наиболѣе оригинальныя мѣста, которыя дополняютъ читателю мои личныя впечатлѣнія.

«Всѣ сіи скалы были высѣчены руками человѣческими, начиная отъ самой вершины оныхъ внизъ, на нѣсколько саженей въ глубину; и каждая скала заключаетъ въ себѣ большее или

меньшее число жилищъ, раздѣленныхъ внутри на этажи. Ихъ паходится столь безчисленное множество, что на обзореніе всѣхъ требуется по крайней мѣрѣ двѣ педѣли времени... Стѣны и потолки чрезвычайно толки, ибо рѣдко имѣютъ болѣе пяти или шести дюймовъ толщины; стѣны же внутреннія для раздѣла горницъ еще и того менѣе, и не превышаютъ двухъ и трехъ дюймовъ толщины....

«Можно и теперь еще различить признаки разныхъ инструментовъ, служившихъ троглодитамъ въ ихъ работахъ, и которые изображены какъ выѣ, такъ и внутри ихъ жилищъ.... Признаки другихъ инструментовъ, замѣчательныхъ на стѣнахъ во внутренности сихъ жилищъ, также очень необыкновенны: нѣкоторые представляютъ выпуклыя полукружія, похожія на толстыя веревки или канаты, другія уподобляются точкѣ съ запятою, и тысячами выдавлены въ стѣнѣ. Сии послѣдніе наиболѣе встрѣчаются въ комнатахъ, отдѣланныхъ съ большимъ раченіемъ; на мѣтки, озпаченныя симъ инструментомъ въ стѣнѣ, представляются какъ бы вдавленными въ мякоть, а не въ твердое тѣло.... Сей паружный признакъ, можетъ быть не обманчивый, заставляетъ полагать, что троглодиты имѣли средство смягчать камни до разработки.... Между сими скалами находится одна, весьма замѣчательная по содержанію въ себѣ одного весьма страшнаго покоя. Вершина сей скалы очень широка; подъ нею, одна подлѣ другой, выдѣланы неправильно круглыя дыры, имѣющія отъ двухъ до трехъ футовъ въ діаметрѣ, что и придаетъ ей нѣкоторое сходство съ англійскою кухнею въ большомъ видѣ. Отверстія сии, конкъ находится почти десять, служили входомъ и выѣтѣ сообщеніемъ съ внутренностью покоя, имѣющаго большую овальную фигуру и вышину въ семь футовъ. Долженствовало встрѣтиться большія трудности при его сооруженіи, ибо дѣтели начинали ее не съ боковой стороны, по сверху, и работали спускаясь внизъ, какъ бы въ колодезь, по мѣрѣ ихъ углубленія... Я вышелъ изъ сей скалы разщелиною, съ боку выработанною (вѣроятно искусствомъ татаръ), доставляющею нѣтъ входъ гораздо удобнѣе существовавшаго нѣкогда при троглодитахъ.... Наверху одной утесистой стремнины во внутренности скалы паходится одна комната, служившая келіею и часовнею набожнымъ людямъ средняго вѣка, а между прочимъ кажется и одному весьма искусному художнику тамъ жившему, ибо на стѣнахъ часовни сей примѣтны слѣды хорошей живописи, какъ можно судить по живости красокъ и очертапіи, которыя еще замѣтить можно съ нѣкоторымъ затрудненіемъ съ нѣкоторыхъ слѣды разрушенія, которые она показывасть. Изображе-

ніе представляет Богородицу, окруженную нѣкоторыми святыми... Картина сія приносила бы честь вѣку Чимабуэ (въ 1300 году), основателя итальянской школы и живописи въ Италіи».

Осмотрѣвъ Эски-Керманскія пещеры, мы двинулись далѣе. Нашъ Бэкиръ упряма какъ истый татаринъ. Его понятія о «князѣ» и о «господахъ изъ губерній» совершенно разрушаютъ наши планы. Онъ положительно не позволяетъ намъ дѣйствовать какъ бы мы хотѣли и ревниво заботится о томъ, чтобы нашему предполагаемому сану возданы были подобающія почести. Бѣдняга, безъ сомнѣнія, участвуетъ всѣмъ сердцемъ въ долѣ этихъ почестей.

Смѣло подвѣзжаетъ онъ къ кунацкой княгинѣ, владѣтельницѣ Каралеа, и вызываетъ чайю (прикащика), несмотря на наши грозныя запрещенія. Чайя суетливо бѣжитъ въ гаремный дворъ, оттуда опять къ намъ съ ладонью на сердцѣ, почтительно пропускаетъ насъ въ кунацкую, переговаривая что-то съ Бэкиромъ. Вотъ мы въ гостяхъ у татарской княгини; мы сидимъ на коврахъ, тянущихся сплошь вдоль трехъ стѣнъ кунацкой. Чайя—суровый, бородатый татаринъ съ просѣдью—устанавливаетъ предъ нами, на обычномъ табуретномъ столикѣ, какое-то оригинальное баранье рагу, пшеничную кашу, сдобные татарскіе пирожки. Комната уже полна прислуги, и насъ разбираетъ смѣхъ при видѣ этикета, который соблюдается въ отношеніи насъ. Чайя позволяетъ себѣ находиться невдалекѣ отъ насъ, свободно курить трубку и садится около насъ на коверъ. Обаджи—дворецкій—хотя тоже куритъ трубку, но держится подалеже и сидитъ только на корточкахъ. Поваръ помѣщается еще дальше отъ почетнаго угла и уже безъ трубки, а остальная прислуга вытянулась вдоль стѣны у самой двери и, кажется, не смѣетъ даже присѣсть на корточки. Подана сальная свѣчка, и одинъ изъ татаръ озабоченно держитъ въ своихъ рукахъ щипцы, которыя было бы удобнѣе оставить на столѣ. По временамъ, онъ мягкимъ шагомъ подходитъ къ столу, снимаетъ осторожно со свѣчи, и съ тою же безмолвною сосредоточенностью возвращается на свою прежнюю позицію у стѣны, откуда внимательно продолжаетъ наблюдать за нагараніемъ фитиля. Сосѣдь его держитъ маленькую курильницу съ углемъ, третій—какой-то подносикъ. Всѣ проникнуты сознаніемъ своихъ важныхъ обязанностей. Еще новый слуга внесъ множество перинъ, пуховыхъ подушекъ и ватонныхъ одѣялъ. Хотя все это было сдѣлано не изъ полотна, а изъ дешеваго пестраго ситцу,

но отличалось безукоризненною чистотою. Пока тянулось наше угощеніе и приготовленіе къ ночлегу, мною овладѣло какое-то такое знакомое чувство, въ которомъ я не сейчасъ далъ себѣ отчетъ. Мнѣ казалось, что я уже не разъ бывалъ въ этой обстановкѣ и видѣлъ уже этихъ людей, эти обычаи. Картины глубокаго дѣтства встали въ памяти. Крѣпостные лакеи, бесполезно толпящіеся у барскаго стола, кто съ салфеткой, кто съ тарелкой, кто съ вилкой на подносѣ; то же многочасовое торчаніе вдоль стѣнъ съ заложеными назадъ руками, тѣ же сальные свѣчи, тѣ же длинныя трубки и постоянная обязанность набивать ихъ; тѣ же дворецкіе и прикащики, тотъ же жирный и грубый вкусъ въ выборѣ кушаньевъ, даже расположеніе мебели въ нитку вдоль стѣнъ и изобиліе постельнаго добра—все это близко знакомое, недавно еще крѣпко жившее и недавно на вѣки погибшее!

Масса русскаго средняго дворянства,—не тѣ немногія фамиліи, которыя въ столичной службѣ успѣли рано прикоснуться къ европейскимъ обычаямъ, а то помѣщичество, которое выходило въ отставку послѣ 1-го чина и съ 25-ти лѣтъ не выѣзжало съ своихъ вотчинъ—безъ всякаго сомнѣнія, заимствовало отъ татарскихъ мурзаковъ гораздо болѣе, чѣмъ мы думаемъ. Но болѣе всего говоритъ объ этомъ заимствованіи образъ жизни татарскаго мурзакъ, его хозяйственная распущенность, его страсть въ лошадямъ и собакамъ, характеръ его домашняго комфорта. Дѣвственная громозвучность голосовъ, дѣвственно-мощные организмы, переполненные густою и сердитою кровью, эти черные гнѣвные глаза, привыкшіе только приказывать, эти жесткіе, какъ грива, усы и волосы—все это я видѣлъ давно, въ эпоху своего отрочества, и все это я съ изумленіемъ увидѣлъ во всемъ живѣе черезъ 25 лѣтъ, когда мнѣ пришлось пожить среди татарскихъ мурзаковъ. Татарскій мурзакъ—это идеаль, съ котораго копировался нашъ крѣпостной помѣщикъ....

До Бахчисарая мы рѣшили ѣхать прямо по степи, гдѣ и подыали отчаянную скачку на перегонки, ко всеобщей потѣхѣ. Если бы подъ нами были не татарскія лошади, не одинъ бы изъ насъ вернулся калѣкой. Это насъ раздражила степь, ровная, безбрежная. Мы, конечно, напли бы болѣе удобствъ въ ханскомъ дворцѣ, гдѣ уже не разъ пользовались радушіемъ почтеннаго и гостепріимнаго коменданта Я. А. III—ка; но намъ не хотѣлось еще выбиваться изъ татарщины и разрушать нашу многодневную иллюзію. Поэтому рѣшено было остановиться въ татарскомъ ханѣ. Ханъ выбрали типическій, изъ такихъ, которые уже

начинаютъ исчезать, уступая мѣсто столь же неудобнымъ, еще болѣе грязнымъ и гораздо болѣе дорогимъ *нумерамъ* въ кабацко-русскомъ вкусѣ. На внутреннемъ дворѣ хана была полуоткрытая татарская кофейня съ фонтаномъ посрединѣ. Пока Бѣкиръ дѣлалъ закупки и поилъ лошадей, мы сидѣли въ кофейнѣ на высокихъ и широчайшихъ диванахъ совѣмъ съ ногами. *Кафеджи* угощаль насъ въ крошечныхъ чашечкахъ чернымъ кофеемъ съ гущей, который онъ приготовлялъ съ большимъ мастерствомъ тутъ же на печи, въ маленькихъ узкогорлыхъ кофейникахъ турецкой формы. Изъ сосѣдней шашлычни татаринъ принесъ намъ нѣсколько палочекъ съ наизапнымъ на нихъ горячимъ и румянымъ *шашлыкомъ*, который еще весь шипѣлъ, и на который мы, конечно, съ жадностью пакинулись. Присутствіе необычной публики въ кофейнѣ хана распространилось по сосѣдству, и много татаръ приходило глядѣть на насъ, особенно на нашу амазонку. Бѣкиръ и тутъ пустилъ слухъ о князѣ, и весь дворъ скоро наполнился татарскими барышниками, которые предлагали завѣзему князю купить у нихъ верховыхъ лошадей. Бахчисарайскія лошади дѣйствительно считаются за лучшихъ въ Крыму.

Вечеръ спустился тихій. Цвѣтущія деревья наполняли воздухъ своимъ запахомъ. Мы пошли насладиться фонтанами и розами дворцовыхъ садиковъ. Фонтаны все были пущены, и тяжелыя струи ихъ звонко журчали въ бѣлые мраморныя бассейны, перебивая другъ друга среди тишины лунной ночи. Луна стояла за *Соколиною башнею* гарема и бросала отъ нея, отъ высокихъ тополей, отъ мавританскихъ рѣзныхъ трубъ дворца — длинныя тѣни на росистый лугъ и на клумбы розовыхъ кустовъ. По балконамъ и крылечкамъ какъ-то таинственно ползли узорныя тѣни рѣшетокъ и деревьевъ. Не хотѣлось говорить, не хотѣлось двигаться. Въ безмолвномъ благоговѣніи мы впивали въ себя красоту южной ночи въ поэтической обстановкѣ восточной роскоши. На балкончикѣ минарета, стройно высяцагося въ купѣ такихъ же высокихъ тополей, у дворцовой мечети, мазинъ затянулъ вечернюю молитву. Мы смотрѣли на его черную фигуру, вырѣзающуюся на фонѣ освѣщеннаго неба, и обращавшуюся поочередно ко всемъ странамъ свѣта. Онъ кричалъ пронзительно и заунывнымъ голосомъ, въ которомъ, какъ въ колоколѣ, не было ничего индивидуальнаго, ничего зависящаго отъ данной минуты.

На многочисленныхъ минаретахъ города *мазины* одинъ за другимъ стали подхватывать сигнальный гимнъ. То ближе, то дальше замирали ихъ голоса, вызывавшіе къ правобѣрнымъ, и среди глубокой тишины слышны были слышны шаги мольщиковъ собиравшихся въ ханскую мечеть.

Мечеть была отворена.

Огромная зала ея освѣщалась только въ самой глубинѣ рядами низкихъ подсвѣчниковъ, стоявшихъ передъ палочниками алькорана. Въ срединномъ альковѣ, замѣняющемъ нашъ алтарь, тоже передъ складною скамеечкой съ алькорапомъ, стоялъ на колыбяхъ толстый эффепади въ зеленой чалмѣ. Полъ былъ сплошь устланъ дорогими персидскими коврами. Немногіе татары — мольщики стояли рядами, не двигаясь, не произнося ни слова, слово статуи. Входившій оставлялъ передъ входною рѣшеткою свои туфли, и неслышной костью по мягкимъ коврамъ присоединялся къ ряду этихъ окаменѣвшихъ людей. Ни малѣйшій шумъ не прерывалъ благоговѣйнаго теченія молитвы. Недалеко отъ входа, на шкурахъ дикой козы, сидѣли, поджавъ ноги, *мазины*. Изрѣдка мулла произносилъ священныя слова, и тогда все начинали вслѣдъ за нимъ раскачиваться въ стороны, кланяться или поднимать кверху руки. Это дѣлалось совершенно какъ по командѣ, въ строжайшей тактѣ: ни шуму, ни скрипу, съ поразительной легкостью и быстротою. Иногда голосъ подавалъ же мулла, а мазинъ. Онъ сидѣлъ дремлющій, весь погруженный въ себя, голова на груди, и вдругъ что-то найдетъ на него, онъ затянетъ пронзительный стихъ и азартно закачается изъ стороны въ сторону. Все сразу подхватываютъ. Это мусульманское служеніе производитъ особенное впечатлѣніе. Обширный полутемный храмъ, движущіяся тѣни отъ кланяющихся и качающихся фигуръ, благоговѣйнаго тишина и непонятныя фанатическія завыванія, изрѣдка нарушающія ее, странно дѣйствуютъ на воображеніе, но все же выгодаѣ, чѣмъ толкотня и гамъ нашихъ деревенскихъ церквей.

Бахчисарайская дневка пришлась какъ разъ на полу-пути. Занявшись новою провизією, перековали лошадей, чтобы пуститься еще сутокъ на трое въ горную глушь.

Чтобы не миновать ни одного пещернаго города, намъ нужно было теперь ѣхать черезъ Чуфутъ-Кале въ Біа-Салы, откуда легко производится осмотръ Тепе-Кермена и Качи-Кальпа, и сдѣлать экскурсію, черезъ Мапгушъ, въ Баклу.

Въ Салапчукѣ — цыганскомъ предмѣстьи Бахчисарая — мы наткнулись на оригинальную сцену, замедлившую нашъ путь.

Двухколесная крытая арба, обвѣшанная цвѣтными одѣждами и войлокомъ, еле-двигалась по ритвинамъ ручья, замѣняющаго улицу въ каждой татарской деревнѣ. Нѣсколько молодыхъ цыганъ въ татарскомъ нарядѣ (здѣшніе цыгане все маго-

метанскаго исповѣданія) охрапаяли арбу отъ неистоваго папора разнохарактерной толпы татаръ и цыганъ. Провожатые дѣлали неимоверныя усилія, чтобы протиснуться хоть на одинъ шагъ впередъ. Верховые и пѣшіе, дѣти и большіе, мужчины и женщины, ваперерывъ другъ передъ другомъ, силились остановить арбу, ухватываясь за колеса, за грядки, за упряжь лошадей. Крикъ и суматоха стояли невообразимые. Давили, падали, взвизгивали, ругались. Одинъ сердитый сѣдой старикъ изъ провожатыхъ колотилъ народъ направо и налево толстою палкою, не разбирая по чемъ, злобно сверкая глазами и оскаливая свои старые зубы. Отъ него увертывались, вопили, охали, но все-таки продолжали лѣзть и давить. Другой татаринъ стоялъ на арбѣ во весь ростъ и изрѣдка бросалъ въ народъ цвѣтные платки.

Что было внутри, не было видно: арба была завѣшена наглухо. Впереди арбы ѣхалъ татарскій мальчикъ, держа высоко надъ головою книгу алькорана, а за нимъ важно шли усатые музыканты, кто съ зурною, кто съ турецкимъ барабаномъ. Это была настоящая татарская свадьба, — *похищеніе жены*.

Обычай дозволяетъ останавливать похитителя всякому встрѣчному, особенно же жителямъ тѣхъ сель, черезъ которыя двигается поѣздъ. Отъ нападающихъ нужно откупаться платками, лентами и т. д., а слобода Салапчукъ сплошь населена бѣдняками-цыганами. Охотниковъ до платковъ было здѣсь особенно много, а платковъ у жениха особенно мало. Оттого-то давка и дошла до такихъ размѣровъ. Маленькую арбу перекидывали раза два на бокъ и нѣсколько разъ отталкивали назадъ. Отрядъ провожатыхъ — дружокъ жениха — совсѣмъ выбился изъ силъ въ неравной и непрерывной борьбѣ. Музыка визжала и стучала, народъ кричалъ и бушевалъ. Когда арба повернула въ боковой проулокъ села и стала карабкаться на кругую скалистую гору — мы думали, что ей пришелъ конецъ. Въ тѣсномъ проулкѣ толпа еще болѣе сплотилась и изъ всѣхъ хатъ прибывали новые атакующіе. Наконецъ арба остановилась недалеко отъ хаты жениха, къ которой подъѣхать было невозможно, на такой крутизнѣ стояла она. Женихъ закуталъ похищенную невѣсту совсѣмъ съ головою въ яркое шелковое одѣяло съ золотыми цвѣтами, и крѣпко держа въ рукахъ свою ношу, почти бѣгомъ бросился съ нею по крутизнѣ къ дверямъ хаты. Дружный взрывъ ободрительныхъ криковъ, зурны и турецкихъ барабановъ привѣтствовали удалого жениха. Тамъ уже собрались гости, и туда входили музыканты.

Между тѣмъ и мы подвинулись далѣе. Живописное ущелье Успенскаго скита благоухало садами. Въ эту узкую и глубокую

тѣснину уже забрались зеленныя тѣни и прохлада вечера, хотя солнце было высоко надъ стѣнью. Чѣмъ-то непонятнымъ и чуждымъ намъ глядѣли эти окошечки келій, чернѣвшія высоко надъ землею, въ бѣлыхъ толщахъ известняка. Переходцы, лѣсенки, балкончики, прилѣплены надъ отвѣсною пропастью, какъ гнѣзда ласточекъ, словно жить въ нихъ не людямъ, а пернатымъ. Византийскія фигуры святыхъ мучениковъ, въ золотыхъ вѣнчикахъ и цвѣтныхъ одеждахъ, въ наивноблагочестивыхъ позахъ, писанныя прямо поверху скалы, окружаютъ входы пещерныхъ церквей и сообщаютъ характеръ глубокой средневѣковой древности этому полувоздушному, полуподземному скиту. Наверху столбообразной скалы, въ которой высѣчены пещеры скита, огромный крестъ вѣнчаетъ всю западную стѣну ущелья; какъ будто и ущелья, окружающія его, и горы составляютъ одинъ титаническій храмъ. Къ этому кресту ведетъ чрезвычайно крутая лѣстница съ безчисленнымъ множествомъ ступеней, высѣченная въ толщѣ скалы. Мы поднялись по ней, и съ плоской вершины горы, уже обрацаемой монахами въ плодовый садъ, могли свободно обозрѣть окрестность; только отсюда можно убѣдиться въ естественной принадлежности Успенскаго скита и Чуфутъ-Кале къ Бахчисараю, предметъями котораго они всегда считались. И до Бахчисарая и до Чуфута отсюда рукою подать, а снизу, проѣзжая по окольнымъ дорогамъ среди скалистыхъ стѣнъ, даже не подозрѣваешь этой близости.

Долина, надъ которою мы стояли, полная теперь монастырскими садами, недавно еще носила названіе *Маріанполя, города св. Маріи*. Это былъ религіозный центръ крымскихъ грековъ, мѣстопребываніе ихъ митрополита; русское правительство, не задолго до присоединенія Крыма, намѣренно переселило отсюда грековъ на берега Азовскаго моря. Новый Маріанполь, или Маріуполь, въ предѣлахъ единоплеменной Россіи, долженъ былъ привлечь къ себѣ умыслы промышленныхъ крымскихъ грековъ и нанести сильный ударъ умирающему ханству.

До сихъ поръ сохранилась старинная привычка чествовать древнюю святыню Крыма, и 15-го августа, въ день Успенія св. дѣвы Маріи, старый Маріанполь, или Успенскій скитъ, наполняется толпами богомольцевъ, особенно грековъ. Игуменъ показывалъ намъ всѣ уголки своего горнаго хозяйства и, не смотря на лѣта свои, бодрѣе всѣхъ насъ поднялся по крутымъ ступенямъ къ подножію креста. Но мы спѣшили въ Чуфутъ и должны были отказаться отъ любезнаго приглашенія выпить чашку чаю подъ тѣнью монастырскихъ персиковъ.

Чуфутъ-Кале, *жидовская крепость*, по переводу на русскій

языкъ, лежитъ на такой же, совершенно отдѣльной столовой горѣ, какъ и Мангупъ, только высота и объемъ ея значительно меньше. Какъ Мангупъ, Чуфуть-Кале былъ въ одно и то же время внутреннимъ, пещернымъ городомъ и нагорнымъ, паружнымъ, окруженнымъ стѣнами съ башнями. Южный обрывъ скалы, по неприступности своей, былъ повидимому безъ стѣнъ, такъ что развалины старинныхъ домовъ-бойницъ высятся теперь прямо надъ пропастью, по которой ползетъ дорога. Подъ нѣкоторыми изъ нихъ почва мѣстами осыпалась, и они нависли надъ пропастью. Эти мрачныя жилища, приаровленные больше къ защитѣ, чѣмъ къ удобствамъ жизни, крайне типичны и просеяны въ альбомъ любопытнаго туриста.

Время основанія Чуфуть-Кале неизвѣстно. Преданіе, сохранившееся у мѣстныхъ жителей, а также нѣкоторые писатели приписываютъ построеніе Чуфуть-Кале какимъ-то сорока мужамъ, сорока разбойникамъ, основываясь можетъ быть именно на татарскомъ значеніи слова кыркъ (сорокъ). Почти единственный письменный памятникъ, уцѣлѣвшій здѣсь — это мавзолей Непекджанъ-Ханымъ, дочери Тохтамышъ-Хана; но онъ относится только къ 1437-му году, стало быть, уже ко времени владѣнія татаръ.

Старинные писатели начинаютъ говорить о Чуфуть-Кале только съ первой четверти XIV-го вѣка. Тогда этотъ городъ извѣстенъ былъ подъ именемъ Кыркора; до сихъ поръ караимскіе раввины, составляя брачныя записи бахчисарайскихъ караимовъ, именуютъ ихъ въ этихъ актахъ стариннымъ именемъ «граждапъ Кыркора».

Открытіе Фирковичемъ на Чуфутскомъ кладбищѣ надгробной надписи перваго десятилѣтія нашей эры дѣлаетъ несомнѣннымъ, что караимы жили въ Чуфуть-Кале еще до Р. Х. Слѣдовательно, основаніе его можно отнести еще къ библейскимъ временамъ. Объ этой сѣдой древности краснорѣчиво говоритъ и число памятниковъ, которыми, можно сказать, сплошь засѣяна довольно обширная балка, прозываемая у караимовъ *Иосафатовою долиною*. Это имя дано кладбищу въ воспоминаніе Иерусалимской долины смерти, на которой будетъ происходить страшный судъ. Въ Чуфутской «долинѣ смерти» памятники уже стоятъ на памятникахъ. Множество плитъ ушло такъ глубоко въ землю, что до нихъ трудно теперь доконаться. Изъ историческихъ фактовъ, относящихся до Чуфута, положительно извѣстно только то, что въ XIV-мъ и XV-мъ столѣтіяхъ этотъ древній Кыркоръ или Киркисель былъ главнымъ мѣстопробываніемъ крымскихъ хановъ.

Въ одномъ изъ полувисячихъ старинныхъ домовъ Чуфуть-Кале, совершенно впрочемъ подповлепномъ, живетъ Авраамъ Фирковичъ, стражъ и патріархъ Чуфута. Мы ѣхали прямо къ Фирковичу, и онъ ждалъ насъ. Престарѣлый раввинъ встрѣтилъ своихъ гостей на одной изъ мертвыхъ улицъ мертваго города. Еслибы его не провожалъ другой караимъ, совершенно житейскаго вида, Фирковича не трудно было бы принять за призракъ. Среди гробового вида этихъ ветхозавѣтныхъ развалинъ, напоминающихъ запустѣвшіе города Палестины и Сири, предъ нами появился старецъ, высокаго роста, величаваго вида, въ костюмѣ пастоящаго Мельхиседека. Онъ одѣтъ былъ въ длинный хитонъ, на головѣ его была бѣлая круглая шапка съ широкимъ бархатнымъ околышемъ, фіолетоваго цвѣта, что-то средисе между чалмою Шамиля и митрой библейскихъ первосвященниковъ. Опираясь на посохъ, онъ твердыми шагами приблизился къ намъ и привѣтствовалъ насъ на чистомъ русскомъ языкѣ. Мы сошли съ лошадей и послѣ обычныхъ вѣжливостей отправились, по приглашенію старца, осматривать достопримѣчательности мертваго города.

Продолговатая зала, бывшая когда-то синагогою, служить теперь книгохранилищемъ Фирковичу. До самаго потолка идутъ полки, тѣсно набитыя рукописями. Даже на полу лѣтъ мѣста отъ нихъ. Все это — фоліанты, иногда на половицу истлѣвшіе, свѣтки пергамента, цѣлыя кожи, покрытыя семитическими письменами. Видъ этихъ библіофильскихъ сокровищъ вселяетъ почтеніе. Нужно много вѣры въ свои силы, въ свою живучесть, чтобы дерзнуть погрузиться въ прахъ мипувшихъ вѣковъ, анализировать его и освѣтить мысль своего вѣка. Фирковичъ собиралъ эти рукописи въ разныхъ частяхъ свѣта: въ Каирѣ, въ Дамаскѣ, въ Дербентѣ, въ Вильнѣ. Пользуясь своими связями съ караимскими раввинами всѣхъ странъ, онъ пріобрѣталъ иногда такія рукописи, которыя переходили по наслѣдству отъ дѣдовъ въ внукамъ, подъ заклипаніями, какъ семейная и религіозная тайна.

Ни одинъ европейскій ученый не былъ въ этомъ отношеніи поставленъ такъ выгодно. Только ревнителю и хранителю древней вѣры отцовъ довѣрялись заповѣдныя сокровища, недоступныя для иновѣрцевъ. Только ему открывались таинственные преданія караимскихъ старцевъ, ожидавшія цѣлыми столѣтіями достойнаго воспріемника. Фирковичъ созерцалъ собраныя имъ сокровища, исполненный гордости. Онъ многозначительно юношескимъ жаромъ, объяснялъ намъ значеніе наиболѣе замѣчательныхъ рукописей и исторію пріобрѣтенія ихъ. Онъ го-



рячо жаловался, что его неуспѣшные труды на пользу науки пропадутъ безплодно, что у него нѣтъ помощниковъ и не будетъ продолжателей. «Мнѣ уже 90 лѣтъ, а посмотрите сколько еще дѣла!» горячился онъ, указывая своею костлявою рукою на полныя архивы, насъ окружавшіе. Публичная бібліотека уже купила разъ у Фирковича его собраніе восточныхъ рукописей за 100 т. р. с. Но почтенный раввинъ съ презрительною насмѣшкою отзывался о бібліотекѣ, которая ограничилась помѣщеніемъ его рукописей въ шкафы и прибитіемъ ярлычка. Онъ негодовалъ на то, что до сихъ поръ ни одинъ ученый не командированъ для разбора и изданія этихъ сокровищъ, единственныхъ въ мірѣ, по мнѣнію собирателя. Ихъ покупали въ королевскую лондонскую бібліотеку, говорилъ Фирковичъ, и въ Европѣ они навѣрное породили бы уже цѣлую литературу; но онъ не хотѣлъ лишиться свое собственное отечество такого приобрѣтенія.

По словамъ Фирковича, онъ не разъ просилъ министра народнаго просвѣщенія и разныхъ важныхъ лицъ объ оказаніи ему пособія къ разбору и изданію собранныхъ рукописей, но ни отъ кого ничего не добился.

«Если бы мнѣ дали десять оріенталистовъ, всѣмъ бы пашель занятія на цѣлую ихъ жизнь!» хвастался увлеченный старикъ.

Живучесть этого ученаго старца по истинѣ изумительна. Цѣлые дни и ночи проводить онъ въ этихъ полутемныхъ сводахъ, роясь въ своихъ пергаментяхъ, подбирая перепутанныя рукописи листокъ къ листу, дѣлая безчисленные комментаріи и выписки. Онъ читаетъ безъ очковъ самый мелкій почеркъ полипавшихъ пергаментовъ и пишетъ замѣчательно твердо и изящно. Архивная пыль не сушитъ его, а одушевляетъ какою-то страстью. Онъ видитъ прелесть поэзіи и святость долга въ своей отшельнической жизни среди мертваго города, въ своей кротовой работѣ надъ письменами восточной древности. Главной заслугой своей Фирковичъ почитаетъ открытіе древняго Пятикнижія, писаннаго съ помощью совершенно особенныхъ титловъ.

Старикъ рассказывалъ объ этой находкѣ съ таинственностью и дѣтскимъ восторгомъ. Однажды ночью онъ, по обычаю своему, занимался въ бібліотекѣ разборомъ рукописей и захотѣлъ просмотрѣть, не заключаютъ ли въ себѣ какихъ-нибудь особенностей древніе свитки Пятикнижія, сложенные въ алтарной скрини этой бывшей синагоги.

«Когда я съ надлежащими молитвами выпесъ на рукахъ своихъ одну за одною всѣ наши древнія святости и удостоился облобызать ихъ, я вдругъ замѣтилъ, что подъ поломъ скрини

находится пустота. Я пошелъ за ломомъ, заперся на ключъ и проработалъ всю ночь. Подъ поломъ было много разныхъ книгъ, и ниже всѣхъ ихъ древній свитокъ Пятикнижія. Я благоговѣнно развернулъ его — и не повѣрилъ своимъ глазамъ. Пятикнижіе это было написано совершенно особеннымъ образомъ, какимъ не писались еврейскія книги ни прежде, ни послѣ. Со мной сдѣлалась лихорадка отъ волненія. Я думалъ сначала, что помутился мой старый разумъ и мои старые глаза, и не позволилъ себѣ читать далѣе священной книги. На другое утро я поѣхалъ нарочно въ Мангупъ-Кале, чтобы просмотрѣть, нѣтъ ли такихъ же титловъ на древнихъ надписяхъ гробницъ; но не нашелъ ничего подобнаго. Тамъ, на открытомъ воздухѣ, чувствуя, что я здоровъ и не брежу, я убѣдился въ дѣйствительности своего открытія. Я ѣздилъ потомъ въ евпаторійскую синагогу, сличалъ самыя древніе списки Пятикнижія съ найденною рукописью, писалъ объ этомъ многимъ ученымъ нашимъ раввинамъ, но нигдѣ и ни отъ кого не видалъ и не слышалъ о томъ, что мнѣ такъ нежданно захотѣлъ открыть Господь.»

Фирковичъ полагаетъ, что введеніе новаго способа изображенія священнаго писанія грозило опасностью автору, такъ какъ отъ способа начертанія еврейскихъ словъ зависитъ и объясненіе ихъ, и что поэтому авторъ нововведенія, изъ боязни обвиненій въ ереси, вынужденъ былъ скрывать свою рукопись въ таинственномъ мѣстѣ.

Фирковичъ рассказывалъ намъ также съ большимъ экстазомъ о своей встрѣчѣ на Востокѣ съ англійскими оріенталистами. Въ костюмѣ турка, онъ списывалъ гдѣ-то въ Галилеѣ интересную надгробную надпись на древне-коптскомъ языкѣ. Двое англичанъ долго присматривались къ нему и наконецъ подошли спросить, что онъ дѣлаетъ.

Знакомство старика турка съ древне-коптскимъ языкомъ крайне удивило путешественниковъ, и они просили позволеніе записать его имя въ свои записныя книжки. При имени Фирковича, англичане, оказавшіеся учеными оріенталистами, выразили живѣйшую радость, убѣрили старика, что давно знаютъ и уважаютъ его ученые труды и что почитаютъ за особенное удовольствіе такое неожиданное знакомство съ нимъ. Старикъ сіялъ гордостью, вспоминая о такомъ эффектномъ признаніи его заслугъ.

Почтенный раввинъ добылъ нѣсколько новыхъ фактовъ и для исторіи крымскихъ караимовъ; онъ прочелъ и списалъ надписи всѣхъ безчисленныхъ гробницъ Юсафатовой долины, лежащей у подножія Чуфута и всего караимскаго кладбища въ Мангупъ-

Кале. Опъ откопалъ самыя древнія гробницы, почти совершенно ушедшія въ землю, и съ помощью ихъ и рукописныхъ данныхъ, исправилъ и пополнилъ хронологію караимской исторіи.

Рѣдко можно встрѣтить человѣка знающаго священное писаніе съ такою глубокою осповательностью и изъ первыхъ источниковъ, какъ Авраамъ Фирковичъ. Это истинный мастеръ своего дѣла. Опъ передавалъ мнѣ множество замѣчаній поразительной убѣдительности, которыя, по словамъ его, опъ представлялъ покойному митрополиту Филарету и другимъ нашимъ ученымъ богословамъ, по поводу перевода библіи на русскій языкъ. Кстати сказать, караимскій раввинъ не признаетъ греческаго подлинника, съ котораго мы перевели свои священныя книги, за библію 70-ти толковниковъ. Опъ считаетъ также совершенно произвольною и невѣрною всю нашу библейскую хронологію. Страшно было слушать, съ какою непоколебимою самоувѣренностью и спиходительностью паставника этотъ караимскій ученый обсуждалъ наши сильнѣйшіе авторитеты, по части библейской исторіи. Послѣ осмотра чифутскихъ древностей, Фирковичъ пригласилъ насъ въ свой домъ. Съ стеклянной галереи его видна падалеко вся окрестность и особенно Юсафатова долина, эта неисчерпаемая пива раскопокъ и изслѣдованій Фирковича.

Въ домѣ Фирковича господствуетъ ветхозавѣтная патриархальность. Старшій сынъ раввина, человѣкъ уже зрѣлыхъ лѣтъ и, кажется, отецъ семейства, съ почительностью снялъ туфли съ ногъ отца и принялъ его посохъ.

Женщины не смѣютъ показываться постороннимъ. Къ соблазну благочестивыхъ караимовъ, 90-лѣтній Авраамъ Фирковичъ, духовный ихъ глава и руководитель своихъ единавѣрцевъ, недавно хотѣлъ жениться на шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ; это подражаніе библейскому Аврааму не состоялось только вслѣдствіе откровеннаго ропота всего караимскаго общества, и чифутскій патриархъ остался пока безъ Агари. Случай этотъ свидѣтельствовалъ столько же о полнотѣ жизненныхъ силъ этого замѣчательнаго старца, сколько о его библейскомъ возрѣніи на бракъ. Семья Фирковича—единственныя обитатели Чифута. Для Фирковича Чифутъ-Кале — какая-то обѣтованная земля, исполненная всякихъ утѣхъ и удобствъ. Опъ не знаетъ воздуха лучше Чифута, не знаетъ видовъ красивѣе. Съ галереи своей опъ любуется моремъ и степью, горами и развалинами древностей. У ногъ его, какъ на ладоши, Юсафатова долина, усыпальница всего племени въ теченіи почти двухъ тысячелѣтій.

Охраненіе древностей Чифута, возвеличеніе его въ исторіи и, если можно, возстановленіе въ немъ угасшей караимской

жизни—Фирковичъ сдѣлалъ просто задачею всей своей дѣятельности. На свой счетъ опъ нанимаетъ сторожа, защищать отъ расхищенія камни и желѣзо мертваго города; опъ купилъ на собственные деньги, кажется, восемь опустѣвшихъ домовъ, чтобы имѣть больше права къ поддержанію ихъ. Опъ постоянно побуждаетъ бахчисарайскихъ караимовъ переселяться въ Чифутъ и заводитъ съ этою цѣлью сношенія съ караимами Литвы. Сипагога въ Чифутѣ и школа для дѣтей поддерживается исключительно его энергіей.

Если матеріальные интересы торговаго караимскаго племени мѣшаютъ ему промѣнять населенный городъ на патриотическую пустыню, гдѣ даже капли воды нѣтъ, то по крайней мѣрѣ Чифутъ-Кале долженъ остаться средоточіемъ духовной жизни караимскаго народа. Здѣсь караимы начинаютъ учиться божественной мудрости, здѣсь совершаютъ свои молебствія и обряды, сюда, въ чифутскую долину смерти, возвращаются всѣ они, окончивъ жизненный путь.

Впрочемъ, 90-лѣтній патриархъ исполненъ вѣры, что вскорѣ возвратятся въ свой древній городъ и живые его соплеменники.

Когда старикъ угощалъ насъ, по обычаю караимовъ, кофеемъ и гальвою, я попросилъ на память его фотографическую карточку, предполагая, что частыя столкновенія съ людьми разнообразныхъ убѣжденій, сообщенія со столицею и далекія путешествія разрушили въ ученомъ раввинѣ нелѣпые предрассудки татарства. Но старикъ категорически объявилъ мнѣ, что считаетъ грѣхомъ снимать съ себя портретъ.

Вообще опъ педантически стоитъ за всѣ обычаи и обряды своей религіи, какъ бы ни были они маловажны и впѣшны. Опъ жестоко осуждаетъ тѣхъ изъ своихъ соотечественниковъ, которые, подъ вліяніемъ русской жизни, позволяютъ себѣ отступленіе отъ старины въ одеждѣ, сношеніяхъ съ иновѣрцами, исполненіи церковныхъ уставовъ.

Я знаю научно-образованныхъ и весьма развитыхъ караимовъ, которые въ присутствіи Фирковича боются ѣсть за столомъ русскихъ, а въ субботу не осмѣливаются падѣвать на себя часы или брать въ руки книгу. Фирковичъ далеко не фанатикъ по убѣжденіямъ, и терпимость его по отношенію къ иновѣрцамъ безграницна. Но опъ караимъ до мозга костей и страстно жаждетъ поддержки стараго караимства во всѣхъ его особенностяхъ. Опъ понимаетъ, что послабленіе въ формѣ незамѣтно перейдетъ на болѣе существенныя стороны караимскихъ особенностей и почитается слитіемъ этого племени съ господствующимъ народомъ. Археологъ сказывается во всѣхъ его вкусахъ и дѣйствіяхъ.

## III.

Ночное путешествие. — Памятники «Готвейскаго кладбища». — Пещеры Тепе-Кермана. — Качи-Кальбень и св. Анастасія. — «Дурачовъ хуторъ». — Бакла — послѣдній пещерный городъ.

Чуфутскій отшельникъ задержалъ насъ дольше, чѣмъ мы рассчитывали.

Дождливая ночь скоро окутала насъ, и Бэкиръ усиленно напрягалъ свои татарскіе глаза, чтобы не завести насъ въ какую-нибудь трупщобу. Ёхать рысью было буквально невозможно, и мы сокращали утомительный путь оживленною бесѣдою. Всѣ были увѣрены, что мы заблудились, что Бэкиръ ведетъ насъ не туда, куда слѣдовало. Мы уже часа четыре были на сѣдлѣ и еще не встрѣтили никакого жилья. Подъѣхали къ какой-то рѣчкѣ. Въ Крыму съ рѣчками нѣтъ никакихъ церемоній: мостовъ не полагается, и не только всадникъ, даже пѣшеходъ смѣло идетъ въ воду, заранѣе увѣренный, что вслѣдъ найдется бродъ съ каменистымъ дномъ.

Передовые наши всадники безопасно въѣхали въ рѣчку. Вдругъ мы услышали крикъ. Въ темнотѣ нельзя было ничего разглядѣть, но по шуму и крику ясно было, что лошади провалились и не могутъ выскочить на берегъ. Наши лошади испуганно шарахнулись назадъ. Наконецъ авангардъ выбрался, мокрый по поясъ. Оказалось, что отъ горныхъ дождей вода страшно поднялась, и переѣздъ сдѣлался просто опасенъ. Особенно заботила насъ и Бэкира наша «ханымъ» съ амазонскимъ шлейфомъ. Лошади, хотя и татарскія, упирались какъ ослы и не шли въ воду, запуганныя неожиданнымъ проваломъ передовыхъ. Бэкиръ и кое-кто изъ молодежи опустили въ рѣчку, чтобы наступать мелкое мѣсто. Ханымъ перенесли на рукахъ, а лошадей перетаскивали въ поводу. Хотя было много смѣху, по этому поводу, но это ночное купанье было совсѣмъ некстати. И безъ того пронзительный сырой вѣтеръ долины нагонялъ лихорадочную дрожь. Разливъ рѣки стоялъ широко. Мы очутились въ большой деревнѣ. Рѣка была Кача, деревня Біа-Салы. Было уже очень поздно, всѣ давно спали. Напрасно Бэкиръ стучалъ поочереди въ каждую встрѣчную хату кулаками и ногами. Хохлы, обитатели этой глухой деревни, нерасположены были нарушать свой покой ради какихъ-то почтовыхъ бродягъ. Положеніе дѣлалось не на шутку сквернымъ, особенно тѣмъ, кто прогулялся по полю въ водѣ. Кто-

то вспомнилъ, что въ Біа-Салахъ есть какое-то начальство. Отправились къ этому начальству; послѣ многихъ усилій разбудили парня, спавшаго на дворѣ, но онъ объявилъ намъ, что начальство теперь въ городѣ, и что безъ него некому распорядиться объ отводѣ казенной квартиры. Однако, когда мы рѣшительно объявили ему, что въ такомъ случаѣ переночуемъ въ охраняемомъ имъ домѣ, и убѣдили его, что мы сами начальство, парень растолкалъ въ хатѣ какого-то старика, и старикъ отправился съ нами мыкаться по селу за отысканіемъ казенной квартиры. Въ двухъ хатахъ онъ ничего не достучался и отступилъ къ третьей. Оттуда его встрѣтили ругнею и препирательствами. Около полчаса нужно было всѣмъ намъ вести дружную атаку, военную и дипломатическую, чтобы побѣдить упорство хозяйки-хохлушки, защищавшей неприкосновенность своего очага. Мы серьезно обрадовались, когда очутились наконецъ въ теплой и чистой малороссійской горницѣ, до потолка заваленной пуховыми подушками, и вмѣсто неумолимой защитницы дверей нашли радушную хозяйку, хлопотавшую вокругъ столь желаннаго самовара...

Утромъ я рассматривалъ старое греческое кладбище вокругъ церкви. Русскіе колонисты, преимущественно солдаты, были поселены въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Крыма тотчасъ послѣ присоединенія его въ 1783-мъ году, вмѣсто грековъ, удалившихся на берега Азовскаго моря незадолго до присоединенія. Біа-Салы вмѣстѣ съ Мангупомъ и другими селами были въ числѣ этихъ первоначальныхъ русскихъ сельбищъ, и русскій храмъ былъ устроенъ на мѣстѣ стараго греческаго. Я замѣтилъ на горѣ, съ другой стороны села, множество могильныхъ камней.

— Это вѣрно тоже греческое кладбище? спросилъ я проводившаго меня старшину.

— Нѣтъ, это не греческое, отвѣчалъ мой проводникъ. Старшину наши сказывали, что слыхали отъ грековъ, будто это *готвейское* кладбище; сказываютъ *готва* какая-то еще прежде грека тутъ находилась.

Это имя готевъ, перешедшее въ народную легенду и даже принявшее чисто русскую складку, признаюсь, удивило и обрадовало меня.

Мы тотчасъ же направились на гору къ этому «Готвейскому» кладбищу. Я сначала заподозрилъ, не проникло ли это имя въ уста народа черезъ какого-нибудь сообщительнаго изслѣдователя старины, и счелъ долгомъ разспросить, часто ли бывають въ Біа-Салахъ профъзіе, и не осматривалъ ли кто изъ нихъ кладбище. Старшину увѣряли, что на ихъ памяти никто никогда не осмат-

риваль старыхъ могилъ и не заѣзжалъ къ нимъ съ подобною цѣлью. Они передали только, со словъ своихъ дѣдовъ, что греки, при устройствѣ своей церкви, уже теперь разрушенной, растаскали почти всѣ большіе камни изъ развалинъ древней готвейской церкви, стоявшей среди кладбища.

То, что я нашелъ на горѣ, превзошло мои ожиданія. Во-кругъ беспорядочныхъ развалинъ церкви, шло по скату горы огромное кладбище, сплошь усыпанное могильными плитами и гробницами разнообразнаго и оригинальнаго вида. Добрая половина ихъ вросла въ землю; отъ нѣкоторыхъ торчали только углы. Ни одной надписи, даже ни одной буквы не нашелъ я на этихъ каменныхъ гробницахъ. Всѣ онѣ были высѣчены изъ плотнаго и тяжелаго известняка и отличались своею величиной. Тѣ, которыя очень углубились въ землю, были особенно велики, три съ половиною, четыре и болѣе аршинъ длины. Это, безъ сомнѣнія, старѣйшія по возрасту. Форма ихъ проще всѣхъ другихъ: четырех-угольный ровно отесанный камень аршина 1½ ширины и высоты. Почти на каждомъ изъ такихъ плоскихъ камней высѣчено изображеніе какого-нибудь орудія: на одномъ лезвечныя клещи, на другомъ характерная пастушья горляга (посохъ), которою до сихъ поръ ловятъ за поги своихъ овецъ крымскіе и малороссійскіе чабаны; на третьемъ, что-то въ родѣ пилы или палеца; попадались также изображенія веревки, свернутой вдвое, какихъ-то подобій коныя и гребца, пакошецъ круги съ вписанными въ нихъ и взаимно пересѣкающимися трехугольниками; ничего похожаго на крестъ, ничего напоминающаго христіанскую религію.

Второй типъ памятниковъ, очевидно, второй и по времени, представляетъ уже гробовидный камень, поставленный на двухъ и трехъ плоскихъ камняхъ, образующихъ пьедесталъ со ступенями. На такихъ памятникахъ является довольно сложная и красивая камелпая рѣзба и, за небольшимъ исключеніемъ, всѣ они имѣютъ съ восточной стороны, — конечно, въ головахъ покойниковъ, — прямо стоящіе камни или рога, вдѣланные въ гробницу. Немногіе изъ этихъ памятниковъ двурогіе, большинство одиорогое. Съ восточной, т.-е. наружной стороны рога въ каждомъ памятникѣ сдѣлано полукруглое или готическое углубленіе, въ которомъ, вѣроятно, ставилась свѣчка или кутья для покойника. Многіе изъ такихъ памятниковъ имѣютъ въ узорѣ рѣзбы кресты замшеловатой формы, и потому должны считаться христіанскими. Самые оригинальные изъ этихъ памятниковъ — памятники двойные; они представляютъ двѣ гробницы или одинаковой величины или одну большую и при ней другую крошечную; и тѣ, и

другія всегда изъ цѣльнаго камня. Вѣроятно, подъ первыми погребались мужъ и жена, подъ вторыми отецъ съ сыномъ, мать съ дочерью и пр.

Рога памятниковъ второго типа особенно изукрашены, и на нихъ также можно видѣть иногда знаменательныя изображенія: то деревья, то виноградныя кисти.

Самый позднѣйшій типъ Біа-сальскихъ гробницъ представляютъ плоскіе широкіе камни, украшенные изящною рѣзбою, и вѣзанные стоймя въ лежащія плиты. Онѣ уже всѣ съ крестами и далеко не представляютъ той устойчивости, какъ тяжелыя древнія гробницы.

Внимательно разсматривая «готвейское» кладбище, можно прослѣдить всѣ постепенности перехода отъ древнѣйшаго типа гробницъ къ позднѣйшему. Позднѣйшія, повидному сосредоточиваются ближе къ развалинамъ церкви. Но какъ тѣ, такъ и другія, всѣ обращены головами на востокъ.

Я тщательно перерисовалъ въ свой путевой альбомъ оригинальнѣйшія гробницы каждаго типа, но, къ сожалѣнію, не могъ добыть никакихъ матеріаловъ для исторіи этого кладбища. Трудно думать, чтобы эти камни безъ надписей принадлежали просвѣщенному племени эллиновъ; изображенія орудій грубыхъ промысловъ на грубыхъ плитнякахъ, почти ушедшихъ въ землю, указываютъ на болѣе первѣжественную, совсѣмъ пелитературную эпоху народной жизни.

Послѣ многихъ разспросовъ я узналъ, что въ верховьяхъ Марты, недалеко отъ Чатыръ-Дага, въ глухихъ лѣсныхъ дебряхъ есть кладбище съ совершенно такими же гробницами, но гораздо болѣе вросшими въ землю. Стало быть, вѣковые лѣса успѣли уже разростись на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ когда-то были многолюдныя сельбища челоуѣка.

Вообще все русло Марты, теперь пустынное, поросшее лѣсомъ, засыпанное глыбами, представляетъ несомнѣнныя признаки прежняго ея обитанія. Среди лѣсной дичи вы встрѣчаете цѣлыя сады грушъ и другихъ плодовыхъ деревьевъ. Они особенно замѣтны рано весною, когда бѣлый цвѣтъ одичавшихъ садовъ ярко выдѣляется на темномъ фонѣ еще безлистныхъ дубовъ и буковъ.

Многія мѣстности Крыма представляютъ то же что Марта. Марта очевидно была въ старину цвѣтущею и населенною долиною, въ которой жили такіе же дѣятельные садоводы и стояли такіе же роскошныя селенія, какіе живутъ и стоятъ теперь въ долинахъ Качи и Бельбека.

Вереть пять внизъ отъ Біа-Салы, у сѣвернаго берега качип-

ской долины, стоитъ Тепе-Керманъ. Къ нему можно подъѣхать отъ Бахчисарая черезъ Чуфутъ-Кале, не заѣзжая въ Біа-Салы, а еще легче изъ качинской долины черезъ деревню Шюрю.

Странный видъ представляетъ эта пустынная гора. Съ запада, отъ моря и севастопольскаго шоссе она видна издалека. Ея пирамиду съ голой вершиной сразу отличишь отъ всѣхъ другихъ горъ. Меньше всего видишь ее, когда къ ней подъѣзжаете отъ Бахчисарая. Рельефъ горъ, ее окружающихъ, столько же оригиналенъ, сколько однообразенъ. Вы никакъ не выйдете изъ узкихъ траншей, обнесенныхъ ровною и отвѣсною каменною стѣною; стѣна эта кажется сплошною на многія версты; она изгибается какъ лента по извиламъ ущелья, но нигдѣ не прорывается, нигдѣ не представляетъ ни отдѣльныхъ утесовъ, торчащихъ башнями, ни округленныхъ возвышеній сверхъ линіи своего уровня. Лѣсу почти нѣтъ, вездѣ кругомъ камень и зной Сирійской пустыни. Мнѣ невольно пришелъ на память гениальный карандашъ Густава Дорѣ, который въ своей иллюстраціи Дантовскаго ада вселяетъ въ душу наблюдателя подавляющую безнадежность именно этимъ однообразіемъ отвѣсныхъ слоистыхъ скалъ, изъ которыхъ не можетъ быть выхода.

Гора Тепе-Кермана отдѣляется отъ сплошной стѣны скалъ и стоитъ пирамидальнымъ островомъ, окруженная долиною. Голая желтая вершина ея обточена въ громадный четырехугольникъ, который торчитъ на еще болѣе громадной конической горѣ бѣлаго цвѣта, словно настоящій каменный замокъ. Вершина эта съ южной и восточной стороны вся продырявлена ячейками пещеръ; они чернѣютъ издали въ нѣсколько ярусовъ, окна окнами. Тамъ тоже былъ древній пещерный городъ. Нужно оставить лошадей у подножія сыпучей известковой горы и принять нелегкое восхожденіе къ пещерамъ. Подъ отвѣсомъ вершины приютился кругомъ лѣсокъ, который даетъ хотя нѣсколько вздохнуть. Дороги наверхъ нѣтъ; кромѣ стада козъ и барановъ никто не посѣщаетъ этотъ подземный городъ, поднятый къ облакамъ. На отвѣсныхъ скалахъ не найдете даже пѣшехонныхъ тропинокъ. Гдѣ онѣ и были, тамъ завалили ихъ постоянно осыпающіяся известковыя стѣны. Черезъ это осмотръ многихъ пещеръ крайне затруднителенъ, иногда почти невозможенъ. Вы лѣзаете по ненадежному карнизу, осыпающемуся подъ ногами, держась за растенія и камни; круглые выступы, которые невозможно обойти, перерѣзаютъ вамъ дорогу, и вы должны тогда спускаться внизъ въ лѣсъ, или лѣзть прямо наверхъ. Особенно трудно было отыскать церковь, о которой я зналъ по описаніямъ прежнихъ путешественниковъ. Въ ней главная примѣчательность Тепе-Кермана

Она вдвое обширнѣе и выше большинства пещеръ, вообще очень низкихъ. Продолговатая и довольно узкая зала сазенъ пять въ длину, вырубленная въ известковой скалѣ,—освѣщается тремя окнами; къ наружной (оконной) стѣнкѣ приделаны алтарики, котораго каменные столбики частью еще стоятъ, частью замѣтны по оставшимся на потолкѣ капителямъ. Пространство за алтаремъ было повидимому назначено для погребеній избранныхъ. Тамъ замѣтны двѣ гробницы, врубленные въ скалу; одна изъ нихъ совсѣмъ маленькая, очевидно дѣтская, и кажется давно уже открыта. Еще глубже, какъ разъ у поперечной стѣнки церкви, высѣчено изъ той же скалы нѣчто въ видѣ купели или католической кропильницы. Низенькія и довольно глубокія ниши въ двухъ внутреннихъ стѣнахъ храма, вѣроятно, также назначались для погребенія. Остальныя пещеры Тепе-Кермана не представляютъ никакой оригинальности: тѣ же своды, цистерны, столбы, ступени, какъ и въ Эски-Керманѣ, низкихъ остатковъ домашней утвари. Единственная особенность ихъ—множество человѣческихъ череповъ и другихъ костей, напавляющихъ нѣкоторыя пещеры. Это обиліе костей, низкіе разкаты пещеръ и присутствіе гробницъ въ подземной церкви заставляютъ думать, что тепекерманскія пещеры служили мѣстомъ погребенія какому-нибудь христіанскому племени.

Слѣдовъ замка и крѣпости, о которыхъ упоминаютъ писатели древняго времени, теперь почти уже не видно. Въ одномъ мѣстѣ встрѣчаешь явственные признаки фундамента изъ очень большихъ камней. Повидимому, фундаментъ этотъ поддерживалъ прежде очень тяжелое строеніе, четырехугольную башню, или что-нибудь подобное. Въ другихъ мѣстахъ небольшие кучки мусору едва могутъ напомнить человѣческую постройку. Само названіе горы, означающее по переводу съ турецкаго, «*крѣпость южной вершины*» (тепе—значитъ вершина горы) доказываетъ несомнѣнно существованіе на вершинѣ Тепе-Кермана замка и крѣпости въ то время, когда сложилось это татарское названіе его.

Готвейское кладбище, лежащее почти у подножія тепекерманской пирамиды, наводитъ на мысль, что Тепе-Керманъ былъ, по крайней мѣрѣ, однимъ изъ другихъ столовыхъ горъ, однимъ изъ укрѣпленныхъ городовъ готевъ—трапезитовъ. Наверху, на темени тепекерманской пещерной скалы, отличное зеленое пастбище и отличный наблюдательный пунктъ. Не знаю, чего не видно отсюда! Тамъ ногъ вьется долина Качи и разсыпана деревня Брыма, въ которую намъ нужно теперь спускаться.

Качи-Кальёнъ менѣе всѣхъ похожъ на другіе пещерные города. Это уже не столовая гора, возвышающаяся островомъ среди ущелій, какъ Чуфуть-Кале, Эски-Керманъ, Мангуиъ-Кале и Тепе-Керманъ. Качи-Кальёнъ находится въ высокому каменному обрыву качинскаго берега. Кача стѣснена имъ здѣсь, какъ Дунай желѣзными воротами, выше Качи-Кальёна и ниже его Кача течетъ свободно, въ сравнительно низкихъ берегахъ. Правый берегъ ея въ Качи-Кальёнѣ — разрывъ огромной горы. Подъѣзжать къ Качи-Кальёну по лѣспой и садовой долине гораздо веселѣе, чѣмъ по сирійскимъ ущельямъ Тепе-Кермана. Видъ Качи-Кальёна поразителенъ именно рѣзкою противоположною роскошной зеленой чащи, заповнившей долину низменности и лѣвый берегъ Качи, съ грандіознымъ каменнымъ обрывомъ праваго берега. Обрывъ этотъ имѣетъ форму титаническаго алькова, полукруглаго свода, въ которомъ умѣстилась бы Хеопсова пирамида и Петропавловскій соборъ Рима. Альковъ этотъ образовался оттого, что вся середина горнаго обрыва вывалилась и разсыпалась въ щебень. Каскады и потоки камней сбѣгаютъ теперь изъ-подъ свода къ руслу Качи, словно извергнутые кратеромъ вулкана. Цѣлые огромные утѣсы въ числѣ ихъ. Куда ни взглянетъ глазъ на правомъ берегу, всюду это хаосъ утесовъ и обломковъ. Среди нихъ вы видите во множествѣ камни съ окнами и дверями, скрывающіе въ себѣ пещеры. Одни стоятъ кверху ногами, другіе на боку, отъ однихъ остались только черепки скорлупы, какъ отъ разбитаго лица, другіе уцѣлѣли такъ хорошо, словно ихъ выдолбили уже послѣ паденія. Обрывъ Качи-Кальёна пестрѣетъ разными красками своихъ горныхъ породъ, и это очень ладитъ съ свѣжею зеленью кое-гдѣ его опунившей. Красные тоны массы господствуютъ надъ всѣми. У подошвы гигантскаго алькова, на крутомъ откосѣ берега, стоитъ новенькая церковь и два заупустынныхъ домика. Въ старину при грекахъ здѣсь былъ монастырь св. Анастасіи, привлекавшій много богомольцевъ къ своему цѣлебному источнику. До сихъ поръ, не помню въ какое именно время, стекаются сюда богомольцы и производится служба въ нарочно построенной для этого церкви. Оттого и самъ Качи-Кальёнъ теперь больше извѣстенъ подъ именемъ Анастасіи. Русскіе и греки даже не знаютъ другого имени.

Новая церковь нисколько не интересна, но выше ея, среди обломковъ, поросшихъ деревьями, видны развалины стараго монастыря съ подземными сводами и съ раскинутыми кругомъ гробницами. Кресты греческой формы высѣчены на многихъ камняхъ. Но особенно интересенъ каменный крестъ въ ширинѣ

утеса. Можно и теперь представить себѣ живописность этой маленькой обители, напоминающей собой Успенскій скитъ.

Повидимому, древняя постройка монастыря была разрушена каменными лавинами, которыя до такой степени покрываютъ мѣстность, что не только дѣлаютъ невозможнымъ тщательное разслѣдованіе развалинъ, но даже едва даютъ проходъ наверхъ подъ громадныи естественный альковъ Качи-Кальёна, откуда сочится священный источникъ. Читая описанія Качи-Кальёна, сдѣланныя прежними путешественниками, убѣждаешься несомнѣнно, что Качи-кальёнскія скалы находятся въ состояніи хроническаго разрушенія. Теперь тутъ не найдешь третьей доли того, что видѣли еще такъ недавно. Можно сказать, что въ Качи-Кальёнѣ уже не существуетъ теперь ни одной цѣльной пещеры, и что года черезъ два-три исчезнетъ всякаго посѣщенія верхняго свода, если не исчезнутъ даже самыя слѣды его.

Уже и теперь не трудно сломать шею, предпринимая восхожденіе къ источнику. Титаническій сводъ прикрываетъ вась тамъ своею тяжелою аркою, на которую страшно глаза поднять. Эта каменная, дугой согнутая толща почти совсѣмъ уже отдѣлилась отъ материка горы и растреснулась по всѣмъ направленіямъ; по свѣжимъ пустотамъ ея безъ труда догадаешься, какъ недавно выронила она окружающіе вась огромные камни. Ничто не гарантируетъ вась безопасности подъ этими жерлами, вѣчно готовыми изрыгать каменныя лавины. Ежеминутно слышится трескъ и гулъ наверху. Это идетъ внутренняя, микроскопическая работа разложенія страшнаго скалы. Вы вздрагиваете и невольно укрываетесь подъ сводъ ближней пещерки. Прокатится камень, два, пять, десять небольшихъ камней, поплыветъ откуда-нибудь густая струя пыли. Середина Качи-Кальёнскія скалы была прежде вся сплошь продырявлена пещерами въ нѣсколько ярусовъ. Потомъ это изрытое нутро ея вывалилось, рассыпалось и оставило послѣ себя альковъ, въ который теперь залѣзли. Слѣды пещеръ видны ясно на внутреннихъ стѣнахъ этого алькова; самыя глубокія даже сохранились въ немъ вполне, раскрывшись только спереди; отъ другихъ остались только оттиски и внутренніе края, по которымъ можно составить чертежи бывшихъ пещеръ съ ихъ лѣсенками и этажами. По виду это такое же осиное гнѣздо, тѣ же стрижиныя поры, какъ и въ Эски-Керманѣ. Въ серединѣ алькова надъ нижнимъ ярускомъ его пробивается ключъ холодной и прозрачной воды. Онъ обдѣланъ въ каменный бассейнчикъ, надъ которымъ лежала старая полустертая икона и видны слѣды копти и вос-

ковыхъ свѣчей. Это источникъ св. Анастасіи, давшій поводъ къ основанію монастыря.

Поднявшись на гору, широкимъ амфитеатромъ охватывавшую долину Біа-Салы, мы замѣтили среди лѣса множество соломенныхъ крышъ, торчавшихъ грибами изъ земли и скученныхъ, какъ палаша канадскихъ бобровъ. Мы ѣхали конною дорожкой въ Мангушъ. Насъ туда вызвался проводить тамошній волостной старшина, съ которымъ я разсматривалъ въ Біа-Салахъ «готвейское кладбище». Старшина не сразу отвѣтилъ на мой вопросъ о тѣхъ палашахъ, а покачивалъ головою съ улыбкой раздумья и недоумѣнья.

— Кто его знаетъ, какой онъ такой! объяснялъ онъ мнѣ какъ бы въ отвѣтъ. — Чудной какой-то. Сказать бы дурочокъ, мы его и называемъ такъ-таки Иванушка-дурочокъ; да дуръ-то въ немъ какая-то особливая. Блаженный онъ, что ли...

— Кто это такой? это его земля?

— Вотъ то-то и есть, что никакой тутъ ему земли не полагается. Земля общественная, подъ государственными крестьянами. Отецъ его крестьянинъ изъ Мангуша; тоже, какъ и другіе, имѣетъ каждагодно свои дѣлянки, покосъ тамъ и все. Ну, а онъ не возлюбилъ жить съ отцомъ. Отъ Бога, говорить, велѣнье такое получилъ. Ушелъ сюда въ лѣсъ и поселился здѣсь воть уже какой годъ! какъ разъ супротивъ Біа-Салы; мѣсто самое отличное, открытое, на солнечную страну. Сводили его сколько разовъ. Изъ палаты чиновникъ пріѣзжалъ. Въ тюрьмѣ держали по нѣскольку мѣсяцевъ. Разорять все его достоинство, подлинку отберуть — а выпустятъ, онъ, смотришь, опять на старомъ пепелищѣ конается. Меня просто замучилъ. То и указы присылаютъ, чтобы его сводить. А какъ его сведешь? Чего лѣтъ онъ безобидный, никому не мѣшаетъ; работаетъ съ утра до ночи во имя Божіе. А тутъ еще приказываютъ штрахъ съ него взыскать, 14 рублей 28 копѣекъ; порубку, вѣшь въ казенномъ лѣсу произвелъ, такъ по оцѣнкѣ. Что съ его вѣшь, съ такого чудного? 14 рублей не шутка — гдѣ ихъ вѣшь? Намъ его промежъ себя, признаться, такъ жалостно. А свести, конечно, надобно. Опять голубчика въ тюрьму запрятуть.

Нельзя было не заѣхать къ Ивану-дурачку послѣ разсказа старшины. Его хуторокъ красовался на ровномъ свѣтѣ господствующей надъ живописною окрестною мѣстностью. Солнце прямо ударило на него. Лѣсъ былъ расчищенъ кругомъ и оставленныя на корню грушевыя деревья и оставленныя на корню грушевыя

кѣ деревья были всѣ тщательно привиты и смазаны. Теперь это былъ садъ Иванушки-дурачка. За садомъ шли гряды огорода, отлично набитый токъ для молотбы, и дворъ, обнесенный множествомъ бѣлыхъ выдолбленныхъ камней. Камни эти Иванушка привезъ издалека, выдолбилъ своими руками и употреблялъ для поила своей скотины и для корма ея солью. На дворе стояло штукъ 10 клѣтушекъ разнаго калибра и вида; цѣлые сараи были выкопаны въ каменистой почвѣ. Одни уже были обдѣланы въ жилища, другіе только-что копались. Здѣсь было все: хлѣбъ со стойлами, лѣтнія и зимнія жилища, анбары, кладовыя. Нѣсколько штукъ сытыхъ коровъ и телятъ стояло въ хлѣвахъ. Все было построено и выкопано буквально руками Иванушки-дурачка. Я отказываюсь понять, какъ безъ помощи живой души онъ былъ въ состояніи втащить и укрѣпить на крышѣ столько тяжелыхъ перекладинъ и строилъ. У него была, повидимому, манія землекопства. Одно жилище еще не было кончено, а онъ уже потѣлъ надъ раскапываніемъ новыхъ и новыхъ подземелій. И это не въ рыхломъ черноземѣ, даже не въ глинѣ, а въ каменномъ известнякѣ. Все, что мы видѣли, было добыто собственно-ручно, безъ затраты копѣйки. У Иванушки не было даже покупного ведра, покупной бочки, покупного гвоздя. Все было откопано въ горѣ, срублено въ лѣсу, взято, однимъ словомъ, изъ общей дарохранительницы — природы. Зерно было ссыпано въ громадныя бочковидныя плетушки, туго свитыя, плотно смазанныя глиною; деревяннымъ долбленнымъ ковшомъ Иванушка пилъ и носилъ себѣ воду.

Я не видѣлъ у него даже горшка для варева. Иванушка меньше всѣхъ думалъ о себѣ. За скотомъ своимъ онъ ухаживалъ какъ нѣжная нянька: чуть не всякая корова имѣла особое закрытое помѣщеніе, устроенное Иванушкиными мозолями и Иванушкинымъ горбомъ. Днемъ онъ хоронилъ въ этихъ хлѣвахъ своихъ коровъ, боясь, чтобы ихъ не загнали съ лѣсныхъ пастбищъ. Но какъ только спускалась ночь, Иванушка-дурочокъ, проработавши весь день съ ранней зарей до поздней, выгонялъ свою любезную скотинку на лѣсныя травы, въ полной увѣренности, что ночью ни татары, ни русскіе, ни мужики, ни начальство не потревожатъ его животину. Зимой онъ зажигалъ грудокъ въ одномъ изъ шалашей своихъ и лежалъ около него свернувшись въ полушубчикѣ, обогрѣвая поочереди то грудь, то спину. Хлѣба негдѣ было ставить, а сгребетъ себѣ нѣсколько горстей муки, замѣшаетъ водою, да и спечетъ на листьяхъ въ одной волѣ костра какую-нибудь прѣсную тяжелую лепешку, по обычаю татаръ. А есть картошки, — картошки спечетъ.

— Ну, а если ты заболѣешь, Иванъ? Ты вѣдь бывалъ когда боленъ? спросилъ я дурачка, выслушавъ его гомерически-наивные рассказы о своемъ подвижничествѣ. «Тряса мучаетъ, третій годъ трясеть. Какъ весна, такъ и затрясется», отвѣчала Иванушка, съ задумчивою серьезностью глядя на меня.

— Кто-жь тебѣ тогда ѣсть дастъ?

— Тогда ужъ не ѣмъ; лежу въ шалашѣ и не ѣмъ; а ослобонить немножко, спеку чего-нибудь, внушительно рассказывалъ Иванъ. Вотъ понче весною трое сутокъ безъ памяти пролежалъ, маковой росинки въ ротъ не бралъ, думалъ ужъ, Господь по душу послалъ; да нѣтъ, отошло, еще велѣлъ Создатель потрудиться, грѣхи искупать...

Иванушка стоялъ передъ нами въ глубокой ямѣ, откуда едва видна была его голова. Мы его застали за обычной его работою, съ заступомъ въ рукѣ. Онъ былъ босикомъ и безъ шапки, въ дырявой домашней рубахѣ, сквозь которую темнѣло его бронзовое тѣло, тощее и костлявое. Зеленоватая блѣдность лица казалась еще болѣе мертвенною отъ нечесаныхъ черныхъ кудрей и черныхъ воспламененныхъ глазъ. Какая-то сосредоточенная озабоченность, совершенно ушедшая въ самое себя, была на этомъ лицѣ и въ этихъ глазахъ. Словно они смотрѣли не на насъ, не на то, что видѣли мы, а на что-то другое, недоступное нашимъ чувствамъ; субъективный мѣръ большой фантазій дѣлался очевиднымъ для каждаго...

Скоро мы доѣхали до Мангуша—почти совсѣмъ русская деревня, вѣрнѣе, хохлацкая. Это изрядная рѣдкость для горной крымской деревни, въ близкомъ сосѣдствѣ съ Бахчисараемъ. Но совсѣмъ тѣмъ Мангушъ не потерялъ характера татарской деревни: также распозлся по горамъ и по горному ручью, также спрятался въ укромномъ уголкѣ, спрятанномъ въ сторонѣ отъ чужого глаза.

Татарщина такъ вѣлалась въ правы горцевъ, что даже русская церковь въ Мангушѣ смотреть какъ-то иначе, не по-русски, скорѣе какъ мечеть, чѣмъ какъ знакомый бѣлый храмъ великорусскихъ губерній. О хатахъ уже нечего говорить. О нарядѣ точно также. Его нарядъ вы съ трудомъ отличите отъ татарскаго. Тутъ живетъ только нѣсколько семействъ татаръ между тѣмъ весь пародъ говоритъ по-татарски. Интимная домашняя бесѣда русскихъ людей ведется на татарскомъ языкѣ, ребяташки спорятъ и ругаются по-татарски. Снисхождение это къ варварству, неумѣющему до насъ, или ужъ такъ мало самостоятельности въ нашемъ русскомъ духѣ, что въ сторонѣ даже перель татаринкомъ! Мангушъ—центрѣмъ

округа. Весь округъ промышляетъ камнемъ и лѣсомъ. Винограда тутъ нѣтъ, для полей почти нѣтъ мѣста. Мангушъ стоитъ на р. Бодракъ, впадающей въ Альму, роковой памяти. Берега Бодрака—это сплошныя карьеры известняка, мягкаго въ обработкѣ, бѣлаго и прочнаго въ кладкѣ. «Бодрацкій камень»—самый цѣнный и красивый матеріалъ для мѣстныхъ построекъ, бахчисарайскихъ, симферопольскихъ. Онъ напоминаетъ инкерманскій плитнякъ, изъ котораго выстроены Севастополь. Его кладутъ обыкновенно только въ углы и цоколи зданій; для сплошной кладки онъ слишкомъ дорогъ, хотя за то вѣчень и не нуждается въ штукатуркѣ.

Въ центрѣ бодрацкихъ каменоломенъ, какъ разъ за селеніемъ Бодракомъ, немного отступя къ сѣверозападу отъ Мангушской дороги, находятся скалы *Бакла*, омываемыя съ одной стороны Бодракомъ, съ другой—Альмою. Это послѣдній, самый сѣверный пещерный городъ Крыма. Его положеніе лишено той поэтической оригинальности, какую отличаются другіе, болѣе знаменитые пещерные города Крыма, о которыхъ я говорилъ прежде. Сами пещеры его, болшею частью уже обвалившіяся снаружи, не представляютъ собою интереса послѣ осмотра Эскикерманскихъ и Тепе-керманскихъ. Самая большая, полуразрушенная пещера немного болѣе 2-хъ квадр. сажень. Проводники называютъ ее также *эклисе*, церковью, но въ ней не сохранилось однако никакихъ признаковъ храма; узнать ее можно по столбу, поддерживающему входъ. Гораздо интереснѣе пещеръ множество цистернъ въ формѣ огромныхъ кубановъ, которыми изрыты скалы Бакла и которыя заставляютъ предполагать, что въ Бакла находилось значительное складочное мѣсто зерна или вина; стало быть, мѣстность была людная. Въ долинѣ, подъ обрывомъ скалы Бакла нѣсколько лѣтъ тому назадъ мангушскіе крестьяне, распахивая землю, наткнулись на 12 огромныхъ каменныхъ горшковъ или амфоръ, каждая величиною въ бочку. Горшки эти были зарыты рядомъ въ землю и были сдѣланы изъ отлично выжженной, чрезвычайно крѣпкой глины. Очевидно, въ нихъ помѣщалось зерно, потому что для вина и масла въ древности употреблялись сосуды съ болѣе узкими горлами. Впрочемъ сосуды были уже пусты, и въ нихъ, какъ рассказываютъ, не нашли ничего кромѣ земли. Послѣ тщательныхъ разспросовъ не могъ найти у одного мангушскаго крестьянина только двѣ изъ этихъ каменныхъ бочекъ; остальные были раздарены или распроданы.



## IV.

Система древнихъ укрѣпленій въ странѣ пещерныхъ городовъ. — Циклопическій характеръ пещерныхъ городовъ и ихъ значеніе. — Блазуданіе по Чучельской горѣ. — Ревъ оленей. — Почеагъ въ Козьмодемьянской обители. — Возвращеніе на южный берегъ.

Баклою мы окончили осмотръ пещерныхъ городовъ Крыма. Нужно было возвращаться назадъ, въ нашъ пріютный Магарачъ, и мы рѣшились выбрать для этого путь черезъ Савлухъ-Су и Бабуганъ-Яйлу; путь, правда, далекій, но для многихъ изъ насъ совершенно новый.

Только тогда, когда вы познакомились по отдѣльности съ каждымъ пещернымъ городомъ Крыма, вамъ дѣлается ясною вся система этихъ оригинальныхъ и любопытныхъ жилищъ, подобныхъ которымъ не представляетъ никакая другая страна Европы.

Пещерные города Крыма начинаются отъ устья Черной рѣки, у Севастопольской бухты, и идутъ извилистою цѣпью на сѣверо-востокъ, почти до верхняго теченія Альмы. Начинаетъ ихъ Ин-Керманъ — «крѣпость пещеръ», — а кончатъ Бакла. Поэтому, путешественникъ, который интересуется исключительно археологіею пещерныхъ городовъ, и не располагаетъ своимъ временемъ, удобнѣе всего можетъ осмотрѣть ихъ, проѣзжая по шоссе изъ Севастополя въ Симферополь. Инкерманъ у него будетъ по дорогѣ, весь въ виду; Мангупъ, Черкессъ — и Эски-Керманы онъ посѣтитъ, свернувъ съ шоссе направо отъ деревни Дуванъ-кой (русская Дуванка), вверхъ по теченію Бельбека, а потомъ Кара-Илеза. Съ шоссе довольно явственно видна плоская вершина столовой горы и башни Мангупа. Точно также легко свернуть съ дороги въ долину Качи, которой скалистый разрѣзъ манитъ къ себѣ любителя горныхъ видовъ. Въ этомъ скалистомъ разрѣзѣ — Качи-Кальенъ, а нѣсколько верстъ дальше Тепе-Керманъ, котораго сахарная голова выглядываетъ изъ-за вершинъ другихъ горъ. Изъ Бахчисарая осматриваютъ Чуфутъ-а не доѣзжая верстъ 5-ти до послѣдней станціи передъ Симферополемъ — Гаджи-Бека — путешественникъ можетъ повернуть опять таки направо въ долину Бодрака по мангупской дорогѣ, чтобы осмотрѣть пещеры Бакла.

Уже изъ этихъ указаній видно, что древніе пещерные города были расположены не случайно, а по обдуманному плану, съ очень опредѣленною цѣлью. Инкерманъ служилъ ключомъ отъ моря и степей въ долину Черной рѣки. Входы между Черкессомъ и Бельбекомъ оберегались Мангупомъ-Кале, Черкессъ-Кер-

маномъ и Эски-Керманомъ. Долина Качи запиралась въ самомъ удобномъ мѣстѣ Качи-Кальеномъ; Тепе-Керманъ защищалъ отчасти ту же долину, отчасти проходы между Качею и Бахчисарайскою долиною Чурукъ-Су, надъ которой возвышался Корхельскій замокъ, нынѣшній Чуфутъ-Кале. Наконецъ Бакла была какъ бы угловымъ оплотомъ горъ, при выходѣ изъ нихъ Альмиской и Бодрацкой долинъ.

Эта система обороны горъ дѣлается еще понятнѣе, если обратить вниманіе не на одни пещерные города, служившіе, безъ сомнѣнія, главными стратегическими центрами защиты, но еще и на другіе остатки древнихъ укрѣпленій, связывающихъ между собою, будто звеньями цѣпи, всѣ пещерные города.

На Черной рѣкѣ, верстъ 10 выше Инкермана и въ столькихъ же верстахъ на югъ отъ Мангупа, до сихъ поръ уцѣлѣла въ деревнѣ Чоргунъ древняя осьмиугольная башня. Башня эта, очевидно, защищала подступы въ долину со стороны южнаго берега.

Связью между укрѣпленіями Черной рѣки и Мангупомъ служило исчезнувшее теперь укрѣпленіе при Мыльных-колодцахъ, на мѣстѣ котораго еще въ самомъ концѣ XVIII-го стол. находилась деревня *Бей-Кирманъ* — «Князя крѣпость».

Когда путешественникъ смотритъ съ севастопольскаго шоссе на долину р. Бельбека, туда, гдѣ рѣка эта выбивается изъ горъ, то разрѣзъ долины представляется ему въ видѣ гигантскихъ воротъ необыкновенной живописности. Въ этихъ воротахъ Бельбека расположены старинныя роскошныя поселенія татаръ, *Биюкъ-Сюйрени* и *Курукъ-Сюйрени*, а между ними на мысѣ высокой плоской горы, на лѣвомъ берегу рѣчки, возвышается издалека видная башня — *Сюйренъ-Куллэ*. Это древній *Schuren* готвъ. Урочище, въ которомъ находится башня, до сихъ поръ называется *Исаръ-Алты* (*Исаръ* — крѣпость). Двухъэтажная башня, съ стѣною, съ воротами, со слѣдами византийской живописи на стѣнахъ, отрѣзываетъ мысъ скалы, подобно Мангупскому замку; а съ высоты башни видны море, горы и степь, Мангупъ съ одной стороны, Тепе-Керманъ — съ другой. Трудно выбрать болѣе удобный наблюдательный пунктъ; башня, безъ сомнѣнія, служила сигнальнымъ ведомомъ между горными укрѣпленіями по сю и по ту сторону Бельбека, и въ то же время охраняла входъ въ долину этой рѣки. Очень можетъ быть, что это та самая крѣпость *Бальбекъ*, которую нашъ Минихъ, въ числѣ другихъ, разрушилъ во время своего крымскаго похода 1736 года.

Горные проходы между Бельбекомъ и Качею запирались въ двухъ мѣстахъ двумя укрѣпленіями; слѣды одного изъ нихъ почти



Ахилла и Ифигеніи, приносившіе человѣческія жертвы своимъ божествамъ, и считавшіе своей добычею всѣхъ несчастныхъ, приносимыхъ къ ихъ берегу волнами тогда еще *негостеприимнаго понта*—Поптъ Аксеность—конечно, могли создать пещерные города. Когда древніе тавры смѣшались съ такъ-называемыми скинами и стали извѣстны у историковъ подъ именемъ тавро-скиновъ, то они занимали оба склона крымскихъ горъ, слѣдовательно, и страну нынѣшнихъ пещерныхъ городовъ. Но тавро-скины, которые воевали съ Митридатомъ и разбивали войска императора Клавдія, были уже не прежніе дикіе тавры, а народъ, умѣвшій строить крѣпости и проникнутый эллинскою цивилизаціею; постройки Палака и Скилура были совершенно греческія постройки, какъ то доказывается развалинами симферопольскаго Керменчика.

Народъ, о которомъ достоверно извѣстно, что онъ жилъ на мѣстѣ нынѣшнихъ пещерныхъ городовъ Крыма, — были готы. Мы уже видѣли выше историческое подтвержденіе этого факта. И даже въ XV-мъ столѣтіи, когда по трактату съ Еліасъ-Бемемъ Солватскимъ (Солкатъ—Старый Крымъ—древняя столица татаръ) южный берегъ перешелъ во власть генуэзцевъ, онъ не называется иначе какъ *Готіей*.

Въ нашемъ «Словѣ о Полку Игоревѣ», памятникѣ XII-го стол., также говорится о *готскихъ красивыхъ двѣщахъ*, что, звоня русскимъ золотомъ, воспѣваютъ *на брезъ Симаго моря*.

Но, вопреки мнѣнію Палласа, готамъ трудно приписать основаніе пещерныхъ городовъ. Характерное свидѣтельство Проконія о нерасположеніи крымскихъ готовъ даже къ городамъ, обнесеннымъ стѣнами, устраняетъ въ этомъ вопросѣ всякое сомнѣніе. Народъ, привязанный къ земледѣлію, владѣвшій роскошными садами, не могъ быть изобрѣтателемъ и жителемъ каменныхъ пещеръ. Пещерные города очевидно вошли въ систему укрѣпленій только заботами централизующей византійской власти, которая могла воспользоваться пещерными городами, точно также, какъ воспользовалась различными другими укрѣпленіями, возникшими въ самыя различныя времена трудами самыхъ разнообразныхъ народовъ.

Стѣна херсонесцевъ, издавна отдѣлявшая Трахейскій полуостровъ отъ остального Крыма, послужила такимъ же матеріаломъ для фортификаціи греческимъ администраторамъ Крыма, какъ и старинныя крѣпости скинскихъ царей и полководцевъ Митридата. Грекамъ нужно было загородить степовикамъ всѣ проходы въ горный Крымъ, чтобы обезпечить трудолюбивыхъ садовниковъ, винодѣловъ и пастырей крымскихъ долинъ. Въ ра-

ду этихъ укрѣпленій пещерные города естественно должны были стать цитаделями на случай войны, осадными дворами, въ которыхъ могло укрыться мирное населеніе при первой опасности. Многочисленныя пещеры доставляли въ этомъ случаѣ немаловажную выгоду, потому что, при недоступности своей, при совершенной безопасности отъ стрѣль и огня, — укрывали не только людей, но и скотъ ихъ, и имущество. Небольшія крѣпости ни въ какомъ случаѣ не способны были оказать населенію такой серьезной помощи и служили только баррикадами проходовъ. Весьма правдоподобно, что многія изъ пещер дѣлались уже впоследствии, съ цѣлью доставить осажденнымъ жителямъ болѣе простора, и приоровлялись къ новымъ потребностямъ. Въ пещерахъ съ теченіемъ времени основались церкви и монастыри; сначала, можетъ быть, изъ временной необходимости, а потомъ остались въ нихъ навсегда, такъ какъ пещерное помѣщеніе не противорѣчило характеру этихъ учреждений. Есть серьезное основаніе думать, что первые хрістіане вообще охотно пользовались пещерами и даже сами устраивали ихъ съ цѣлью подвига трудолюбія. Легенда говоритъ, что папа-изгнанникъ Климентъ I-й собственноручно ископалъ пещерную церковь Инкермана. Съ пещерами Успенскаго скита связано очень древнее хрістіанское преданіе объ обитавшемъ въ нихъ драконѣ, истребленномъ внезапно явившеюся чудотворною иконою Успенія Божіей Матери. Икона эта была перенесена греками изъ древняго бахчисарайскаго Маріанполя въ новый азовскій Маріуполь, а до тѣхъ поръ была главною святынею крымскаго хрістіанства. Это обстоятельство, а также постоянное пребываніе въ Успенскомъ скитѣ (Маріанполѣ) духовнаго главы крымскихъ хрістіанъ — митрополита готейскаго и веайскаго — указываетъ на то, что пещеры Успенскаго скита если не были основаны хрістіанами, то очень рано были ими заняты. Замѣчательно, что только въ этомъ старомъ гнѣздѣ хрістіанства оно удержалось до самаго присоединенія Крыма къ Россіи, среди всѣхъ невзгодъ и опасностей, въ то время какъ магометанскій фанатизмъ успѣлъ обратить въ исламъ весь берегъ и всѣ горы когда-то хрістіанскаго Крыма. Монастыри въ Инкерманѣ, въ Качи-Калымѣ, Маріанполѣ, уцѣлѣвшіе до нашихъ дней, и другіе, которыхъ развалины видны въ Эски-Керманѣ и Теше-Керманѣ, также свидѣтельствуютъ о томъ, что пещерные города были древнимъ пріютомъ хрістіанства. Итаетъ, нужно во всякомъ случаѣ признать, что хрістіанство участвовало значительною долею въ распространеніи, если не въ основаніи пещерныхъ городовъ Крыма. Масса жителей, за исключеніемъ,

вѣроятно, монаховъ, жила, конечно, подъ открытымъ небомъ въ своихъ зеленыхъ и цвѣтущихъ деревьяхъ, какъ живетъ и теперь; а всякій пещерный городъ покровительствовалъ цѣлой долиной, цѣлому сельскому округу. Оттого-то вокругъ Мангуня до сихъ поръ лѣнятся многочисленныя сельбища, а около Чуфутъ-Кале основался Бахчи-сарай, — *городъ садовъ*, центръ крымскаго садоводства и татарской жизни вообще.

Только съ такой точки зрѣнія можно объяснить себѣ жизнь готовъ, грековъ и др. сколько-нибудь цивилизованныхъ народовъ въ пещерныхъ городахъ, въ этихъ титаническихъ каменныхъ ульяхъ, гдѣ сотни подземныхъ жилищъ наполняютъ собою нѣдра скалы, и гдѣ путешественникъ дѣйствительно находитъ иногда слѣды уже довольно развитой общественной жизни. Было бы странно предположить, чтобы въ очаровательномъ климатѣ Крыма, въ живописнѣйшихъ и плодороднѣйшихъ долинахъ его, богатыхъ водами, кишачихъ дорогими плодами, — могло жить племя, способное вести жизнь кротовъ въ полутемныхъ известковыхъ норахъ, на бесплодныхъ и безводныхъ утесахъ, не въ эпоху какихъ-нибудь свайныхъ построекъ, и не на зарѣ исторіи, а въ тѣ времена, когда уже писались книги и существовала наука. Работящее населеніе не могло ежедневно сообщаться съ своими плантаціями и садами по этимъ узенькимъ ступенькамъ, вырубленнымъ въ обрывѣ скалъ для осторожнаго прохода одного человѣка, съ цѣлью удобной защиты ихъ однимъ противъ толпы. Только сбившіеся въ стадо дикіе аборигены горъ, еще можетъ быть не знавшіе ни одного промысла, питавшіеся кореньями и дичью, много-много первобытныя пастухи козъ и барановъ — могли источить себѣ въ скалѣ и избрать постояннымъ пріютомъ эти норы троглодитовъ.

Поѣздка горными лѣсами освѣжаетъ душу и тѣло, какъ ключевая вода. Вы съ зарею на сѣдлѣ; при васъ зажигается огнистое крымское утро и выплываетъ изъ-за горъ полный мѣсяць. Съ вашей тропинки, приподнятой къ облакамъ и выше облаковъ, вы въ спокойномъ счастья созерцаете у своихъ ногъ глубокія безлюдныя долины, налитыя до краевъ лѣсами, и глядящія изъ-за нихъ живописныя горы всевозможнаго характера, — то бѣлыми титаническія пирамиды, то обломанные, какъ башни, утесы, облитые краснымъ огнемъ заката, то наконецъ обросшіе до макушки темною шерстью лѣсовъ.

Облака сидятъ въ этихъ горныхъ чашахъ, какъ лебеди на покое. Иногда вы видите подъ собою настоящія озера; но вы

не увлекайтесь: Крымъ не Швейцарія, и въ его горахъ вы не встрѣтите ни одного озера; это тоже облака, запавшія въ какую-нибудь особенно глубокую круглую долину. А то оглянитесь съ высокаго холма налѣво, гдѣ видѣнъ шатеръ Чатырь-Дага. Тамъ тоже облака, но это уже не лебеди, не озера; они обволокли кругомъ, будто хлопьями ваты, вершину шатра, курятся надъ нимъ и расплываются какъ клубы какого-то тяжелого и влажнаго дыма. Чатырь-Дагъ смотреть черезъ нихъ ни дать ни взять перуанскимъ вулканомъ.

Горное путешествіе вдвое дороже для тѣхъ, кому приходится наслаждаться этою пустынею и въ румяные осенніе дни, и въ радостный весенній полдень, и въ лѣтній зной, и среди распавшихъ зимнимъ инеемъ лѣсовъ. Охотникъ — вотъ пасторъ цѣлитель и почти единственный посѣтитель этихъ красотъ.

Дождь не миновалъ насъ въ эту поѣздку. Горше всего были тѣ минуты, когда мы блудили съ нашимъ всезнающимъ Бѣкиромъ по тропинкамъ, ведущимъ на гору Цецуль, или, какъ ее называютъ лѣсники и охотники, на Чучель-гору. По цѣлымъ часамъ приходится стоять въ чащѣ лѣса, подъ вѣтвями какого-нибудь маститаго дуба или бука, котораго широкая густолиственная корона все-таки сколько-нибудь прикрываетъ насъ отъ ливня; измученныя лошади стоятъ себѣ не двигаясь, опустивъ уши и головы ко мшистому стволу, а всадники, тоже пригнувшись посомъ къ дереву, и укрытые чѣмъ Богъ послалъ, потихоньку ведутъ бесѣду въ своемъ невольномъ кружкѣ; амазонку вашу узнать нельзя подъ огромною черкесскою буркою, которая шалашомъ стоитъ на лошади и спускаетъ съ себя потоки воды, вытекая съ отлива крыши. Ничего не видать кругомъ, даже сосѣднихъ деревьевъ: сѣрая сѣтка дождя сплошь заткала воздухъ.

Измучили же мы своихъ животныхъ, цѣлый день гоная ихъ по грязнымъ лѣснымъ спускамъ и подъемамъ; ни зерна ячменя, ни глотка воды. Кажется, нѣтъ ни одного оврага, котораго бы мы не отвѣдали. Бѣкиръ сбился давно, но до сихъ поръ не хочетъ признаться и ужасно сердится, когда мы пристаемъ къ нему съ укоризнами. Мы теперь хорошо примѣтили, когда онъ сбивается. Онъ пачинаетъ тогда сноватъ какъ угорѣлый, то вправо, то влѣво, стараясь опередить насъ и бросая по слѣду кусочки паломанныхъ вѣтвей. Но эти пріемы Ариадны не ведутъ, по видимому, ни къ чему, и нашъ путь становится все безнадежнѣе. Раза два наткнулись на дровосѣковъ, на угольщикова, и послѣ разпросовъ бѣда не поправляется. Уже высоко на горѣ встрѣтили мы толпу дѣвокъ и бабъ, возвращавшихся лѣсными дорожками изъ Козьмодемьянской обители.

Богомолки, кажется, совсѣмъ замаялись и клаяли на чемъ

свѣтъ стоитъ крутизна Чучеля; опѣ намъ пророчили разныхъ скверныхъ вещи. Но уже ворочаться некуда. Встрѣтили какого-то полудикаго чобаенка, отыскивавшаго корову; долго уговаривали, наконецъ убѣдили провожать насъ. Господи! да и повель же насъ этотъ проводникъ! Много я видѣлъ трущобъ въ своихъ странствованіяхъ, но эти были изъ трущобъ трущобы. Этотъ чучельскій пастырь былъ, повидимому, проникнуть тѣмъ убѣжденіемъ, что лошадь проѣдетъ вездѣ, гдѣ пролѣзетъ коза. Когда мы перевалили на противоположный склонъ горы и увидѣли черезъ головы другихъ горъ стѣну Яйлы, пришлось спуститься по страшной крутизнѣ и по страшному косогору. Пѣшая тропинка была протоптана надъ цѣлою системою пропастей, которыми Чучель спускалась къ долинѣ. Какъ нарочно мы тутъ попали въ огромную отару овецъ, которыя, со страху, разсыпались кругомъ насъ и поились внизъ по зеленому скату, будто волна. Отъ ихъ тревожнаго блѣянья и какого-то стихійнаго сплошнаго движенія еще болѣе кружилась голова.

Въ концѣ тропы на лѣсной полянкѣ мы вѣхали въ пестрое становище татаръ; арбы были распряжены, грудки дымилась, женщины, дѣти въ цвѣтныхъ парядахъ копошились вокругъ котловъ. Татары тоже возвращались изъ Козьмодемьянскаго монастыря. Эти магометане почитаютъ священный источникъ христіанъ съ такою же дѣтскою искренностью и суевѣріемъ, какъ и пилигримы нашего простонародья. Всякому младенчеству духу свойственно религіозное благоговѣніе передъ силами природы, проявляющими себя въ опредѣленной, для всѣхъ осязательной формѣ. Это мистическое отношеніе челоука къ природѣ предшествуетъ всѣмъ историческимъ обособленіямъ, всѣмъ различіямъ вѣроученій. Но въ данномъ случаѣ это и серьезный историческій фактъ. Горный татаринъ Крыма, омусульманившійся потомокъ христіанскихъ колонистовъ Крыма, грековъ, итальянцевъ, готовъ—онъ почитаетъ древнѣйшія христіанскія святини Крыма и нѣкоторые изъ важнѣйшихъ христіанскихъ праздниковъ, какъ реликвіи своей собственной исторіи.

Страствованіе по склонамъ Чучель-горы разбудило во мнѣ воспоминанія недавняго прошлаго, когда я наслаждался на этой же самой горѣ красотою совершенно оригинальною. Не думаю, чтобы многимъ изъ моихъ читателей удалось послушать *рева оленей*. Въ концѣ сентября, около полнолунія, — пора спариванья держатся въ малодоступныхъ поясахъ крымскихъ горъ, но въ эпоху своей любви они забираются въ такія дебри, куда не

всякій въ состояніи слѣдовать за ними. Глубокія лѣсныя пропасти между Бабучанъ-Яйлою, Чучелью, Синабагомъ, — одинъ изъ любимыхъ притоновъ оленя. Когда совсѣмъ стемнѣло, наша партія охотниковъ покинула домикъ чучельскаго лѣсника и въ глубокой тишинѣ отправилась на вершину Чучели. Лѣсникъ велъ насъ черезъ лѣсъ ему одному вѣдомыми тропинками; подъемъ по известковымъ обрывамъ на вершину Чучели опасенъ и днемъ; ночью онъ дѣлался крайне серьезнымъ. Ружья, охотничьи снаряды и теплыя платья для ночлега въ облакахъ—много затрудняли нашъ мучительный подъемъ. Хорошо еще, что ночная темнота не давала намъ ясно видѣть тѣ черныя бездны, падъ которыми мы карабкались. Поминутно камни срывались изъ-подъ ногъ и летѣли, летѣли внизъ, пробуждая одно за однимъ эхо пропастей. При роковомъ шумѣ этихъ камней вся партія охотниковъ, расплзшихся какъ муравьи по утесистому склону, внезапно останавливалась и настораживала уши: «упалъ кто?» безпокойно спрашивалъ среди глубокой тишины чей-нибудь сдержанный голосъ. Вопросъ передавался зловѣщимъ шопотомъ отъ одного къ другому, и всякій съ смущеннымъ чувствомъ оглядывался на черную бездну лѣсовъ, зіяющую у самыхъ ногъ. Взглянешь наверхъ, а тамъ все бѣлая стѣна, круче, да круче.

За то сверху открылась поистинѣ волшебная панорама. Полный мѣсяцъ всплывалъ на небо вмѣстѣ съ нами, и когда мы свѣдѣли на бѣлыхъ утесахъ Чучели, горы уже не загораживали его больше, и онъ свѣтилъ уже довольно высоко. Вся страна горъ лежала у нашихъ ногъ окаменѣвшими волнами, уходившими изъ глазъ; ея лѣсные хребты переливали серебристымъ туманомъ, и кромѣ этого моря горъ да синяго звѣзднаго неба крымской почы мы не видали ничего. Бѣлые утесы Чучели и чернѣвшія на нихъ живописныя фигуры притаившихся охотниковъ, бросавшія странныя тѣни, составляли поразительный первый планъ для этой заоблачной картины.

Вдругъ, напротивъ насъ, въ одномъ изъ лѣсныхъ ущелій Бабучала загудѣлъ какой-то богатырскій рогъ. Все сильнѣе и шире разливались его воинственные звуки, подхватываемые въ нѣсколько приемовъ эхомъ горныхъ пропастей. Въ холодномъ рѣдкомъ воздухѣ заоблачнаго царства раскаты этого волшебнаго рога раздавались какъ удары грома. Это ревелъ олень. Въ ревъ его тяжелое густое мычанье быка смѣшивается съ угрожающимъ рикашемъ дикаго звѣря. Не успѣли стихнуть раскаты этого рева, какъ совершенно въ другой сторонѣ, изъ пропастей, окружающаго пирамиду Черной Горы, ему отвѣтилъ другой ревъ, такой

же бѣшеный, такой же громовой. Не понимаю, откуда брались эти могучіе львиные звуки у кроткаго звѣря, который пріучилъ насъ только любоваться своею красотою и статностью. Къ двумъ голосамъ скоро присоединился третій, еще и еще... Каждое ущелье отозвалось на вызовъ, вездѣ сказали себя его ротатые обитатели. Казалось, какой-нибудь грозный властитель лѣсныхъ дебрей вызывалъ на бой противниковъ-сосѣдей, и они отвѣчали ему изъ своихъ замковъ угрожающими звуками боевого рога. Вотъ звуки эти сходятся все ближе; самцы-соперники почуяли другъ друга и пошли на роковой поединокъ. Лѣсъ трещитъ такъ близко вокругъ насъ, мѣрные шаги копытъ раздаются такъ явственно, многіе изъ насъ, забывъ осторожность, приподымаются вслѣдживать звѣря; онъ появляется иногда на открытыхъ мѣстахъ и вырѣзается на фонѣ мѣсячнаго неба; тогда бываетъ возможно попробовать счастья. Шаги стихли; олень почуялъ насъ и остановился. Намъ не удалось видѣть на никѣ утеса его живого изваянья. Олень сталъ ломиться въ другую сторону, и шаги его врага повернули къ нему. Ревъ, затихшій на нѣсколько минутъ, вдругъ раздался неистовый, оглушающій. Рогачи увидѣли другъ друга. Мы ясно слышали стукъ вѣтвистыхъ роговъ, сдѣланныхъ вмѣстѣ, бѣшеное мычаніе, трескъ ломающихся кругомъ сучьевъ и немолчный топотъ передвигающихся ногъ. То начался поединокъ.

Всю ночь до свѣта продолжался олений концертъ. Онъ убаюкивалъ насъ на нашихъ ложахъ изъ сухого листа вокругъ разложеннаго костра.

Бѣкиръ въ своемъ татарскомъ упорствѣ затащилъ насъ понапрасну на такую высоту, что теперь приходится спускаться въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Спускаться въ Савлухъ-Су, который всѣ видятъ обыкновенно подъ облаками и даже за облаками, къ которому до сихъ всѣмъ приходилось подниматься съ большимъ трудомъ! Последний спускъ—какая-то адская воронка. Если мы не сломаемъ головы, то это будетъ большое чудо. У самыхъ хладнокровныхъ захватываетъ духъ при взглядѣ на страшную кручу, по откосу которой мы должны спускаться виштовой линіею внизъ. Отъ проливныхъ дождей лѣсной черноземъ ползетъ подъ копытами, и на каждомъ шагу поваленныя деревья преграждаютъ нашу тропу. Попробовали снѣжиться, чтобы голова не такъ кружилась и летѣть внизъ было легче. Но только насъ двое имѣли настолько силы и привычки, чтобы кое-какъ двигаться по ползучей почвѣ горы. Остальные попадали съ первыхъ же шаговъ, и волей-неволей переребрались съ первыми на несчастныхъ лошадей. Страшнѣе и жал-

че всего было смотрѣть на бѣдную нашу амазонку, которая сидѣла бѣлая какъ платокъ, недвижимая и безмолвная, будто окаменѣвшая на своемъ сѣдлѣ. Умная лошадь ее потеряла всякую надежду на свои ноги, и въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ просто скользила на своихъ плоскихъ подковахъ какъ на салазкахъ, собравъ почти вмѣстѣ всѣ четыре ноги свои. У насъ, слѣдовавшихъ прямо за нею, сердце замирало отъ страху при этихъ рискованныхъ глिसадахъ. Какъ нарочно, совсѣмъ стемнѣло, и минуты казались часами. Все глубже и уже дѣлается страшная воронка, все темнѣе въ лѣсу кругомъ насъ, все безнадежнѣе дѣлается на душѣ. Но никто не произноситъ слова, не слышно ни одной укоризны Бѣкиру или чобаненку; всѣ мысли и чувства устремлены на эту черную пасть, которая поглощала насъ, и въ которой мы порой серьезно готовились погибнуть. Внизу, на днѣ воронки, сверкнули сквозь чащу лѣса красные огоньки. — «Савлухъ-Су! пришли!» не своимъ голосомъ вскричалъ Бѣкиръ.

Козьмодемьянскій монастырь лѣпится по террасамъ крутой горы вокругъ источника св. Козьмы и Демьяна, который татары называютъ Савлухъ-Су. Въ монастырѣ уже спали и только въ кельи настоятеля былъ огонь. Мы потому снѣжили понасть въ Савлухъ-Су въ этотъ день, что 1-го іюля былъ храмовой праздникъ монастыря, и можно было рассчитывать, что, по случаю прилива богомольцевъ, въ монастырѣ можно будетъ поѣсть и отдохнуть. Обыкновенно же въ этомъ заоблачномъ скитѣ трудно найти что-нибудь кромѣ кружки молока. Въ этомъ возвышенномъ горномъ поясѣ невозможно воздѣлывать даже огородной овощи; а зимою снѣга до такой степени заносятъ монастырекъ и всѣ подступы къ нему, что иногда по нѣсколькимъ недѣлямъ онъ остается безъ сообщеній съ міромъ, погребенный подъ сугробами. Когда жители сосѣднихъ долинъ замѣтятъ, что уже давно не проѣзжаетъ изъ скита верховой монахъ за покупками въ городъ, поднимается тревога и идутъ съ лопатами откапывать монастырь, освѣдомиться, цѣль ли онъ.

Наши надежды были совершенно разрушены. Настоятель объявилъ, что богомольцы разошлись скоро послѣ обѣды, что не осталось никакой провизіи, и что врядъ ли мы захотимъ почевать въ монастырской гостинницѣ, въ которой нижній этажъ залитъ водою, а верхній почти не отдѣланъ. Настоятель предлагалъ намъ свою маленькую келью, пропитанную запахомъ свѣчей, постнаго масла и какихъ-то сухихъ травъ, но самъ же предсудилъ, что въ ней страшное множество насѣкомыхъ. Мы

рѣшились помѣститься въ сырой непріютной гостинницѣ. Попросили сѣна на постели и лошадямъ; сѣна не было. Ячменю и овса тоже не было. Голыя узенькія лавки были единственными ложемъ для насъ. — Нельзя ли чего-нибудь сварить? — «Сварить нечего, да и поваръ — монахъ спитъ давно, монахи очень утомились за праздникъ». Кое-какъ раздули самоваръ. Согрѣться необходимо, всѣ промокли насквозь. Плащи, бурки, хоть выжми. На чемъ спать, чѣмъ укрыться? Наконецъ появилось человѣка три сонныхъ монаховъ. Поваръ взялся приготовить кое-что изъ бывшей съ нами провизіи, и заставилъ насъ надѣяться и вѣрить въ продолженіе 1½ часовъ. Но когда онъ принесъ то, что называлъ супомъ и макаронами, мы сразу убѣдились въ тщетѣ своихъ надеждъ и своей вѣры. Почтенный инокъ судилъ о нашемъ вкусѣ по своему собственному и обратилъ и супъ, и макароны въ кашу изъ лука. Какъ ни силенъ былъ голодъ, мы поблагодарили монастырскаго артиста и возвратили ему непочтеными его вопіющія блюда. Другіе монахи, видя наше затрудненіе насчетъ постелей, безъ дальнихъ думъ и церемоній, разоблачили изъ своихъ ватонныхъ рясъ и разложили ихъ по лавкамъ вмѣсто тюфяковъ; сами они остались въ одномъ бѣльѣ, нисколько не конфузясь, какъ и подобало отшельникамъ, умерщвляющимъ земныя страсти. Кое-какъ замаскировали чистыми простынями позорительныя одежды черноризцевъ; кое-какъ размѣстились на своихъ прокустовыхъ ложахъ; веселый хохотъ обуялъ всю компанію, и неистощимыя остроты на счетъ нашего комическаго положенія поспались отъ насъ же самихъ. Но спать было совершенно нельзя, несмотря на всю усталость. Миріады насѣкомыхъ кишѣли на насъ, на лавкахъ, на стѣнахъ. Всякій изъ насъ испытывалъ страданія Гулливера, атакуемаго стрѣлами лилипутовъ. Малодушный человѣкъ пришелъ бы въ совершенной отчаяніи отъ этого гнуснаго мучительства.

Всѣ прелести Козмодемьянскаго скита были потеряны для насъ послѣ такой ночи. Утро было къ тому же сырое, вѣтренное, облака едва расползались, и никакой перспективы не было видно изъ-за этихъ колыхавшихся темныхъ лѣсовъ. Мы все-таки рѣшились познакомиться со святымъ ключомъ, и храбрецы опустились въ его 4-хъ-градусную воду. Холодъ невыносимый; едва выскочили. Хорошо еще, что пришлось сейчасъ же подниматься на крутизны самаго возвышеннаго изъ всѣхъ пунктовъ Яйлы — на Бабуганъ-Яйлу, составляющую крайній уголь хребта Яйлы съ востока. Этотъ многочасовой подъемъ согрѣлъ не однихъ лошадей. На Бабуганѣ едва не попались въ гущу облаковъ. Сдѣлалось вдругъ бѣло и непрозрачно, словно мы влѣзли въ кубанъ тумана, и вѣтеръ

пронесъ облака вдоль по хребту. Мы въ эту минуту были какъ равъ на южномъ краю хребта, готовые начать спускъ. Когда клубы облаковъ вдругъ смахнулись, какъ ненужная декорация на сценѣ театра, у нашихъ ногъ, глубоко внизу, широкимъ и далекимъ горизонтомъ, неожиданно улыбнулось намъ море такой яркой и веселой лазури, какую рѣдко приходится видѣть. Южный берегъ лежалъ у нашихъ ногъ со своими бѣлыми домиками и стройными кипарисами, со всею роскошью своихъ красокъ и очертаній. Онъ казался вдвое милѣе, вдвое дороже послѣ нѣсколькихъ сутокъ разлуки, какъ кажется милѣе и дороже по возвращеніи красота любимой женщины, ненадолго покинутой.

Мы стали спускаться. Теплый воздухъ, насыщенный ароматами южныхъ травъ, вѣялъ намъ въ лицо. Сердце чувствовало, что оно вступало въ иной, лучшій міръ, гдѣ солнце жарче, гдѣ краски ярче, плодъ слаще, воздухъ нѣжнѣе и душистѣе, жизнь счастливѣе. Этотъ переходъ отъ горъ къ южному берегу всегда поразителенъ. Словно, переѣхавъ извѣстную черту, вы отворили дверь спертой комнаты и вышли на свѣжій воздухъ, въ широкій міръ Божій.

Какъ по ступенямъ сѣзжали мы изъ одного горнаго пояса въ другой, и новыя поселенія, новыя перспективы открывались кругомъ. Глазъ съ наслажденіемъ слѣдилъ за развертывавшимися вдали линіями берега, за этими давно знакомыми мысами и заливчиками, у которыхъ кончался нашъ путь. Мы поздно сѣзжали на южнобережное шоссе и дали себѣ вздохнуть въ веселой скачкѣ по его гладкому полотну. Было уже совсѣмъ темно, когда роскошный паркъ Никитскаго сада принялъ насъ подъ фантастическія сѣни своихъ тропическихъ деревьевъ, въ ароматную атмосферу своихъ теплицъ и цвѣтниковъ, наполненную журчаньемъ фонтановъ.

Вотъ сверкнули сквозь Магарачскій лѣсъ огоньки нашей дачи, притаившейся у спящаго моря. Копыта звучатъ по камнямъ морского берега... Бѣлая женская фигура вырѣзается среди кипарисовъ, заслоняющихъ освѣщенный балконъ.

Хорошо странствовать по глухимъ лѣснымъ оврагамъ, терпя лишения и труды, наслаждаясь привольною жизнью горца и изслѣдуя тайны погибшихъ временъ; но еще отраднѣе, послѣ своей семидневной Одиссеи, завидѣть наконецъ огонь роднаго очага.

Евгѣній Марковъ.

Симферополь.